

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ
РОЙ

Нелепая привычка жить

р о м а н

Олег Юрьевич Рой

Нелепая привычка жить

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183801*

Черная радуга: Эксмо; М.:; 2008

ISBN 978-5-699-27477-2

Аннотация

Одно из самых интригующих и таинственных произведений нашего времени, соединившее в себе мистику, детектив и психологический роман.

Главный герой книги, бизнесмен Виктор, переживающий «кризис сорока лет», встретил однажды загадочную женщину, которая представилась как... Смерть. И сообщила, что Виктор скоро должен стать её клиентом – то есть, умереть. Причём не просто умереть, а быть убитым. А его будущий убийца – это кто-то из самого близкого окружения, кто-то, к кому Виктор бесконечно привязан, кого считает родным и дорогим человеком. До гибели героя остаётся всего несколько дней, во время которых он напряжённо пытается вычислить своего убийцу и ведёт глубокие и невероятно интересные философские диалоги со Смертью.

Роман читается на одном дыхании, и пока не дойдёшь до финала, просто невозможно отложить книгу и заняться чем-то другим. Стремясь побыстрее узнать, чем же закончится эта столь же и увлекательная драматическая, сколь и динамичная

история, читатель делает всевозможные догадки и строит разные предположения... Чтобы, дойдя до развязки, с изумлением воскликнуть: «Ну и ну! Кто бы мог подумать! Чего-чего, но такого я не ожидал!»

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Олег Рой

Нелепая привычка жить

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

Эта книга посвящается всем, кто переживает «кризис среднего возраста» или стоит на его пороге.

Всем, кто «земную жизнь прошел до половины и ощутился в сумрачном лесу» собственных

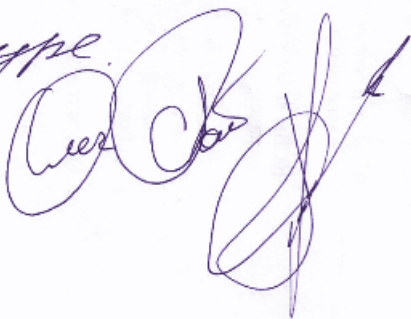
размышлений, сомнений и разочарований. Всем, кто думает или говорит, что уже стар, все повидал и все у него позади.

И всем, кто в глубине души хочет верить – «в сорок лет жизнь еще только начинается...»

Дорогой читатель „ЛитРес!“

Я очень рад, что имею
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Глава 1

Весенняя хандра

Это было маленькое кафе в центре Москвы. Заурядное, неприязнительное, пожалуй, даже старомодное, неведь каким образом выживающее среди многочисленных современных и куда более успешных собратьев. Но именно здесь Виталий Малахов, владелец преуспевающей торговой компании, предпочитал находиться в тот момент, когда в офисе говорили: «Шеф вышел перекусить». Он бывал тут несколько раз в неделю – не затем, чтобы поесть, конечно, питался он совсем в других местах. А просто посидеть, выпить чашку кофе, побыть наедине со своими мыслями, в спокойной обстановке просмотреть бумаги или свежую прессу. Уходя из офиса, он кивал секретарю на дверь, и смышленная Полинка понимала, где его можно найти, если начальник срочно понадобится. Его сотрудники проводили обеденное время в соседних модных заведениях.

Друзья Виталия называли это место забегаловкой.

– Ты где? – спрашивали они, звоня ему по мобильному. – Опять в своей забегаловке, этой «Ивушке», «Рябинушке» или, как ее, «Дубравушке»?

– Да, – отвечал он, не обращая внимания на их подначивания. – Я здесь. Хочешь меня видеть – приезжай.

С его точки зрения, это было идеальное место для встреч, как дружеских, так и деловых. Уютно, немногочленно и, главное, тихо. Никакого тебе бьющего по ушам «Хит FM». И почему некоторые люди так уверены, что весь мир должен любить современную попсу, да еще включенную на полную мощь? Виталия от всех этих «чита-дрита», «джага-джага» и «муси-пуси» просто тошнило. Ему нравились старый рок, авторская песня, ставшая почти классикой музыка шестидесятых-восемидесятых годов уже прошедшего столетия – как раз то, что иногда негромко звучало в любимом кафе.

Здесь всегда замечательно пахло. Малахов с рождения отличался обостренным обонянием, и запахи всегда были для него очень важны. С некоторыми людьми ему даже трудно было из-за этого общаться – не только немытые бомжи, но и вполне приличные, ухоженные мужчины и женщины были неприятны Виталию лишь потому, что ему не нравился их парфюм или естественный запах тел. Многие рестораны Малахов не любил из-за того, что там *не так* пахло. А здесь, в маленьком кафе, всегда царили ароматы выпечки и свежемолотого кофе. Сейчас в Москве редко где можно найти действительно хороший и вкусный кофе. И вообще здесь было как-то по-домашнему. «Доперестроечный уют» – так он это называл. Небогатый выбор салатов и сэндвичей, деревянная мебель, клетчатые и, быть может, не идеально чистые скатерти. На окнах живые цветы – не какие-нибудь экзотические птерисы, драцены или юкки, а незатейливые, из тех, что в его

детстве стояли на подоконниках в школе и дома у бабушки – «декабрист», бегония, алоэ, сок которого ему закапывали в нос от насморка. И то самое растение с резными, похожими на кленовые листьями на толстых и мохнатых, словно покрытых красноватыми волосами, черенках. Виталий не знал его названия, но именно оно стояло на подоконнике рядом с его самым любимым столиком. И порой, задумавшись, он ловил себя на том, что тихонько отщипывает с мясистых черенков красные волоски.

На каждом столике, которые были напиханы в тесное помещение так плотно, что за некоторые из них приходилось пробираться боком, стояла цветная свечка и крохотная вазочка. В вазочке в зависимости от сезона появлялись то букетики полевых цветов, то яркие желто-красные листья, то еловые веточки, увитые блестящей ниткой новогоднего «дождя», то тополиные прутики с едва лопнувшими почками. Первым предвестником весны в этом году для Виталия стали именно эти пахучие сочно-зеленые листочки, родившиеся в вазочке прямо на его любимом столе у окна.

И публика здесь была под стать обстановке: веселые компании студентов, выворачивающих карманы и сообща пересчитывающих мелочь, нежно глядящие друг на друга влюбленные самых разных возрастов, скромно одетые барышни и профессорского вида дядечки в очках и с бородками. Как раз сейчас один из них вошел в кафе и устраивался напротив Виталия. С трудом протиснулся между столиком и стеной,

бухнул на свободный стул пухлый портфель, сел, подтянув потертые брюки, привычным жестом поправил пышную седую шевелюру. И тотчас к его столику приблизилась, чуть постукивая каблуками, официантка.

Эта женщина нравилась Виталию не меньше, чем все остальное в этом кафе. А может, даже и больше. Только он в этом не признавался.

Была ли она красива? По современным критериям, пожалуй, что и нет. Среднего роста, широковатая в кости, фигура уже немного расплылась в бедрах. Но именно глядя на нее, Виталий пришел к умозаключению, что женская красота может быть совершенно разной. Может быть ухоженной, показной, вызывающей, демонстративной и даже хищной. А может быть вот такой – скромной и в чем-то даже банальной. Которая не требует восхищения, поклонения, жертв и дорогостоящих подношений. Просто рядом с ней спокойно и хорошо на душе. Так, как бывает в подмосковном лесу. В последние годы среднерусские пейзажи стали для объездившего весь мир состоятельного бизнесмена Малахова куда ближе и приятнее глазу, чем виды европейских городов и пляжи престижных курортов.

Он знал о «своей девушке из таверны», как в шутку называл про себя официантку, очень многое. Работает она в этом кафе уже семь лет. Никогда не носит брюк, предпочитая, даже зимой, платья или юбки, закрывающие колени. Пользуется она нежными старомодными духами «Диориссимо» с аро-

матом ландыша. Из украшений признает только серебро. Волосы у нее крашеные – свои чуть темнее и уже тронуты легкой сединой. В парикмахерскую она ходит раз в два месяца. Когда сильно устает, начинает сутулиться. И никогда, даже в самых конфликтных ситуациях, не повышает голоса. У нее приветливая улыбка и почти всегда хорошее настроение. Это именно она ставит цветы в вазочки на столах. При этом, как ни странно, Виталий не знал, как ее зовут. Мысль о бейджиках с именами, как это принято в других местах, видимо, не пришла в голову хозяевам скромного заведения, а спросить ее лично он не решался. Виталию это казалось уже чем-то интимным, словно бы первым шагом к флирту. Флиртовать с «девушкой из таверны» он и не думал. Ему было достаточно изредка приходить сюда и, попадая в ее смену, считать это доброй приметой.

Сегодня все было, как всегда. В кафе было, как обычно, тихо и уютно, пахло душистой выпечкой, официантка приветливо улыбалась, и так же радостно улыбался солнечный день за окном – в городе наконец-то воцарилась весна. Но у Малахова отчего-то было темно и скверно на душе.

Перед ним на столе, рядом с вазочкой, где красовался букетик мелких голубых первоцветов, стояла чашка отличного кофе и лежала пластиковая папка с контрактом для срочного знакомства. Однако Виталий, проведя здесь уже почти полчаса, так и не притронулся ни к напитку, ни к бумагам. Подперев голову рукой и уставившись в свежeweымытое ок-

но, за которым бушевал московский апрель, он пытался докопаться до причины своего столь внезапно возникшего мутного состояния.

Со стороны Малахов выглядел вполне благополучно, более того, ему было в чем позавидовать. Его компания, занимавшаяся оптовой торговлей мясными продуктами, уверенно держала позиции на рынке. Какие бы катаклизмы ни сотрясали мир, есть люди хотят всегда. И сколько бы гринписовцы и прочая им подобная публика ни выступали против убийства и поедания живых существ, а новомодные диетологи ни кричали о вреде холестерина и трудностях расщепления животного белка в человеческом организме, мясо продолжали покупать, регулярно поедать его и исправно расщеплять в своих организмах. Соответственно обороты фирмы «Мит-сити»¹, постоянно расширявшей сеть закупки и сбыта, с каждым годом неуклонно росли. Четырнадцать лет назад Виталий с приятелем Санькой Семеновым начали с того, что сами возили на разбитых «Жигулях»-«двойке» говядину из Калужской области. Теперь у компании был солидный офис в центре Москвы, собственные склады, большой автопарк, разветвленная сеть поставщиков, в том числе и иностранных, филиалы в регионах и многомиллионные обороты. Причем вышло так, что Виталий оказался единственным владельцем «Мит-сити». Года через два после регистрации фирмы, когда у них уже появился первый соб-

¹ От *англ.* Meat-city – мясной город.

ственный рефрижератор, Санька вдруг заговорил о том, что с мясом надо завязывать. «Такими темпами мы с тобой еще десять лет развиваться будем, – заявил он. – Давай-ка прикрывать эту лавочку и переходить на что-то более основательное. Вот, говорят, цветные металлы – дело очень прибыльное...» Малахов некоторое время подумал над предложением друга и отказался: «Стремно как-то, Санек. С мясом мы все-таки не первый день дело имеем, обросли связями, поставщики свои, система реализации налаживается. А рынка цветмета ни ты, ни я не знаем. Мало ли что там да как...» – «Эх ты, перестраховщик! – скривился Санька. – Не хочешь – не надо. Без тебя обойдусь!» И вышел из бизнеса. Виталия это сначала напугало – как же он будет один? Но, как говаривала бабушка, – поговорка со временем стала чем-то вроде жизненного девиза – что бог ни делает, все к лучшему. Время показало, что Виталий был прав. Санька действительно ввязался не в свое дело, и закончилось это печально. Малахов же стал единоличным владельцем крупной фирмы. Конечно, у него были помощники, и неплохие: например, Аркадий Лошманов, правая рука, молодой, способный, очень энергичный, или Коля Тихомиров, второй заместитель, очень опытный и грамотный мужик, с которым они работали вместе уже восьмой год. Но оба они пока оставались наемными служащими, а не партнерами – первый был еще молод, а второй, с точки зрения Виталия, при всей его толковости был излишне мягок для бизнеса. Посему на се-

годняшний день все акции «Мит-сити» принадлежали Виталию. К сорока годам у него скопился весьма приличный счет в банке, но он, в отличие от многих своих соотечественников, не спешил это демонстрировать. Не стоит тыкать в глаза окружающим своим благосостоянием, считал он. Надо жить достойно, но не более того. Конечно, у него присутствовали все необходимые атрибуты успешного человека: от часов «Вашеро Константин» и галстуков «Армани» до двухэтажной квартиры в центре Москвы и новенького «Лексуса». Но именно «Лексус», а не «СААБ» и не «Бентли». И никаких шкафоподобных телохранителей спереди, сзади и по бокам. Вполне достаточно одного водителя, он же охранник. А в случае чего, когда шофера нет, вот как сейчас, можно и самому за руль сесть.

Словом, в двух областях, обычно вызывающих наибольшее беспокойство у зрелого мужчины – работа и финансы, – у него сейчас все нормально. Может быть, и не безоблачно, бизнес никогда не идет идеально гладко, но, во всяком случае, причину его хандры надо было искать не здесь. И не в здоровье, с этим тоже все было более или менее в порядке. Малахов старался, как и многие люди его статуса, поддерживать себя в хорошей физической форме. Спортзал, бассейн, сауна, постоянное наблюдение у собственного семейного врача – все как полагается. Да и наследственность у него была прекрасная. Дожив до своих лет, ничем серьезнее свинок и ветряной оспы Виталий пока не болел.

Малахов мысленно подвел эти вполне утешительные итоги, но не порадовался за себя, а вздохнул. Да, все в норме, поводов для беспокойства нет. Что же тогда его гложет? Что не ладится? Пресловутая личная жизнь?

В памяти тут же всплыла супруга. Су-пру-га. Слово-то какое противное! Слово, которое он никогда не любил, но всегда употреблял по отношению к Светлане. Оно казалось ему более представительным и солидным, чем приземленное «жена». И, безусловно, гораздо больше подходило к его Лане. Все задатки светской львицы были у нее уже тогда, тринадцать лет назад, когда они только познакомились. Ухоженная, элегантная, уверенная в себе, она была преисполнена чувства собственного достоинства и одновременно глубочайшего презрения ко всем, кто не так красив, обеспечен и успешен. Сейчас же, при новых возможностях, вся ее жизнь подчинена желанию выглядеть (а еще лучше стать) дамой из высшего общества. На этой почве у них с Виталием постоянно происходили столкновения.

«Ты же состоятельный человек! – возмущалась она. – У тебя успешный бизнес, солидные счета. Почему бы нам не начать жить по-людски?» «Жить по-людски» для нее означало обзавестись домом на Рублевке, мелькать в светской хронике и, может быть, даже пробиться в политику. Но Малахов и слышать ни о чем подобном не хотел. Осторожность всегда была его отличительной чертой. «Тише едешь – дальше будешь, – любил повторять он. – Главное, не высовываться.

Молния всегда бьет в самую выступающую точку». Это выражение тоже было у него чем-то вроде жизненного девиза, с которым никак не хотела мириться Лана.

В общем и целом их супружество было самым что ни на есть типичным современным союзом зрелых людей, проживших вместе более десятка лет. Обычно в таких ситуациях бурные разнополярные чувства проходят и уступают место спокойному и обыденному, как выражался один из приятелей Виталия, «мирному сосуществованию». Мужчину и женщину объединяют общий дом, быт, дети, если они есть, совместные отпуска или выходы в свет. Во всем остальном у каждого своя жизнь, как духовная, так и телесная, о ней не распространяются и не считают себя вправе вмешиваться в жизнь другого. Малахов даже не представлял себе, были ли у Ланы другие мужчины. Она не вылезала из модных заведений, появлялась на всех тусовках и не пропускала ни одной премьеры. Виталий, не слишком-то любивший бывать на людях, часто и охотно отпускал ее одну. Разумеется, Лана запросто могла там с кем-то познакомиться, завести интрижку. Но могла и не завести. Слишком уж она была сдержанной, даже холодной. Физические радости земного бытия ее вообще не интересовали, уж кому как не Виталию было это знать. И Малахова это вполне устраивало. Он сам даже в юности не обладал пылким темпераментом. Его немногочисленные романы до женитьбы были какими-то тусклыми, а после и вовсе носили случайный характер. Собственно, и романами-то

их назвать было нельзя, так, случайность. Постоянных связей, не говоря уже о привязанностях, в его жизни не было уже очень давно, а отдельным пустячным эпизодам ни он, ни Светлана никакого значения не придавали. Так что, если не придирааться, то в супружеских отношениях царил, может, и не гармония, но, по крайней мере, равновесие. Нарушать его ухитрялась только дочь, многолетняя головная боль. Однако именно к тому моменту жизни, когда Виталий Малахов сидел в любимом кафе и смотрел на официантку, принимавшую заказ у седовласого профессора, с дочерью как раз все более или менее наладилось. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить... Словом, у него не находилось ни единой причины для хандры. И было совершенно непонятно, почему так тошно жить на свете человеку, у которого в целом в жизни все в порядке.

«Ну, хватит! – заявил себе в конце концов Малахов. – Что это я совсем разнюнился? Точно домохозяйка на приеме у психоаналитика. Сажу тут и копаюсь в собственной душе, будто мне больше нечем заняться...»

Он слегка потянулся, скользнул взглядом по бумагам, взял в руки чашку, поднес к губам и вернул на блюдце, не сделав ни одного глотка. Поднял палец, призывая официантку. Та как раз закончила с профессором и подошла к нему.

– Замените кофе, пожалуйста. Мой совсем остыл.

«Девушка из таверны» понимающе кивнула и улыбнулась, обнажив несколько неровные, но белые зубы:

– Еще бы, я ведь принесла его вам полчаса назад. А вы

даже не притронулись.

Виталий встретился взглядом с карими глазами и невольно улыбнулся в ответ:

– Задумался. Какой-то я сегодня рассеянный.

– Это со всеми бывает. Особенно весной.

О господи, ну конечно же! И как ему самому это не пришло в голову! Ничего у него не случилось, просто самая обычная весенняя хандра. Это ведь только зеленая молодежь, у которой вся жизнь впереди, реагирует на пробуждение природы бурным весельем и душевным подъемом. А у таких, как Виталий – солидных, не первой молодости, – все происходит наоборот. Приметами весны становятся усталость, авитаминоз, депрессии... Это естественно, и нечего беспокоиться.

Не прошло и минуты, как чашка сменилась другой, дымящейся и ароматной. Этой Малахов уже отдал должное, как и заждавшимся его внимания документам. Кофе был, как всегда, отличным, а вот над контрактом следовало еще поработать. Условия, предлагаемые потенциальным партнером, Виталия никак не устраивали. Он был стреляным воробьем и отлично знал, к чему могут привести такие вот обтекаемые формулировки.

«Ладно, как бы ни было тут хорошо, но труба зовет... Пора в контору».

Он отставил пустую чашку и, не дожидаясь, пока официантка вновь подойдет, положил под нее деньги, вышел из ка-

фе и зашагал по переулку. Его «контора» находилась совсем рядом, у Покровских ворот – три минуты пешком. Выбирая место для офиса, он предпочел этот вариант остальным, возможно, тут не последнюю роль сыграл любимый с детства фильм с таким же названием. Во всяком случае, офисом своим Виталий был очень доволен. Просторное помещение, в удобном и престижном месте, не слишком далеко от дома – и в то же время это не претенциозные бизнес-центры на Пресне или на Павелецкой.

В офисе, как обычно, кипела работа. Разрывались телефоны, сновали туда-сюда озабоченные менеджеры, из кабинета директора по кадрам доносился басовитый рык – Васильич, бывший полковник артиллерии, в гневе был страшен. Виталий шел по огромному залу, разделенному на секции пластиковыми перегородками, и всем существом воспринимал ритм делового процесса – так, как чувствуют вибрацию проходящего поезда, стоя на железнодорожном мосту. Здесь, в своей «конторе», Малахов был почти совершенно счастлив. Ему всегда нравилось осознавать, что именно он – создатель, организатор и мозг этой гигантской и четко налаженной машины.

– Виталий, вроде еще не виделись сегодня, добрый день! – Коля Тихомиров, второй заместитель, невысокий, улыбчивый, с удивительно молодыми для его пятидесяти шести лет глазами, пожал протянутую руку. – Что с Екатеринбургом-то будем делать?

– Надо подумать! – отвечал Малахов. – Загляни ко мне минут через двадцать, ладно?

– Шеф, подпишите скорее макеты! – подлетела к нему Настя, менеджер по рекламе. – А то мне в типографию надо бежать...

– Виталий Павлович! – юная секретарша Полинка подняла хорошенькую головку от клавиатуры и укоризненно заморгала длиннющими «мейбиллиновскими» ресницами. – Опять вы мобильный на столе оставили! А мистер Коллуэй уже дважды звонил. У вас ведь сегодня с ним встреча назначена, вы не забыли?

– Господи, Джозеф! – Малахов только что по лбу себя не хлопнул. С этой самой весенней хандрой предстоящее рандеву с заокеанским партнером действительно вылетело у него из головы. – Ну конечно же. Соедини-ка меня с ним... Хотя нет, не сейчас, чуть позже. А пока найди мне Аркашу, да побыстрее.

Аркадий Лошманов в свои неполные двадцать девять был уже замом и правой рукой Виталия. Малахов продолжал оставаться, как он сам говорил, играющим тренером, не желая, подобно другим владельцам солидных компаний, передавать бразды правления в руки наемных управленцев. Вторым же человеком в их процветающем мини-государстве был, безусловно, Аркадий.

Когда несколько лет назад приятельница Светланы попросила Виталия взять к себе в фирму ее племянника, «толко-

вого мальчика после хорошего вуза», тот поморщился. Он терпеть не мог родственных протекций. Сотруднички, взятые по знакомству, как правило, оказываются никудышными работниками, прогульщиками и лоботрясами, а уволить их неудобно, поскольку не хочется портить отношения с теми, кто за них хлопотал. Обычно он в таких случаях всегда находил повод для отказа, но Лана с подружкой так надели на него, что впрямую сказать «нет» Виталий не смог. Он пошел на хитрость и предложил парню вакансию простого менеджера. Малахов был уверен, что после своей блатной «Плешки» Аркаша с возмущением откажется от такой низкой и непрестижной должности. Однако тот согласился, исправно ходил на работу и вкалывал как зверь. Вскоре Виталий, потихоньку наблюдавший за ним, стал замечать в молодом сотруднике не только служебное рвение, но и недюжинные способности. Аркадий оказался необычайно сообразителен и изобретателен, уверенно вел бизнес, отлично чувствовал людей и практически безошибочно находил подход к каждому. Он быстро дорос до заместителя начальника своего отдела и, присутствуя на президентском совещании вместо ушедшего в отпуск шефа, выдвинул несколько толковых интересных предложений. Малахов был приятно удивлен тем, что, сам того не желая, сделал весьма ценное приобретение. С этого момента Лошманов стал частым гостем в его кабинете. Проникаясь к молодому сотруднику все большей симпатией и уважением, Виталий постепенно повысил его сначала до начальника от-

дела, затем до руководителя филиала и, наконец, сделал своим первым заместителем. По большинству вопросов, касавшихся не только самого бизнеса, но и того, что его неизменно сопровождает – кадров, корпоративной культуры, отношений с партнерами, юридических тонкостей и так далее, – он теперь советовался с Аркашей. А неконфликтный Коля Тихомиров, ранее занимавший первую позицию при шефе, тихо отошел на второй план.

Не то чтобы Малахов безоговорочно доверял Лошманову. Нет. Он отлично знал, что времена верных слуг, безвозмездно преданных своим хозяевам и готовых жизнь за них отдать, давно прошли (если вообще когда-либо бывали). Все в этом мире имеет свою цену, в том числе и бескорыстная преданность. Но Виталию не хотелось потерять толкового помощника, и он видел один способ, чтобы этого избежать, – добиться того, чтобы у Аркадия не было стимула покинуть его компанию. Малахов очень хорошо платил своему заместителю и всерьез подумывал о том, чтобы сделать Лошманова акционером «Мит-сити».

– Звали? – улыбающийся Аркаша появился в дверях, принеся с собой легкий запах эксклюзивного парфюма. Была пятница, день, когда на фирме, по западной моде, сотрудникам был разрешен свободный стиль одежды, и на Лошманове, вместо обычного элегантного делового костюма и галстука, были эффектно порванные джинсы, стоившие явно не одну тысячу долларов, и трикотажный джемпер, тоже весь в

мелкую дырочку, точно его побила моль. Правая рука президента выглядел так, точно он сошел с картинки глянцевого журнала, которые так любила Светлана Малахова. Виталий даже иногда поддразнивал его, называя фотомodelью, но сам Лошманов предпочитал применять к себе понятие «метросексуал». Услышав это слово впервые, строго воспитанный Малахов на всякий случай слазил в Интернет, нашел значение и успокоился – несмотря на двусмысленное звучание, никакого намека на отклонения в половой сфере термин не таил. Метросексуалами, оказывается, назывались мужчины, живущие в мегаполисах и уделяющие повышенное внимание своей внешности и одежде. Эдакие денди двадцать первого века.

– Да звал, звал... Ты проходи, садись, – он кивнул помощнику на кресло. – Слушай, придумай, куда мне нашего штатовского друга сводить поужинать, а то я уже голову сломал! По-моему, мы с ним уже всю Москву облазили, а ему, ты же знаешь, каждый раз подавай что-то новое...

Аркадий ответил с ходу, точно заранее знал, о чем его спросят:

– На Рублевском шоссе, недалеко от Окружной, есть ресторан «Рашн стайл»². Вполне приличный кабак. И как раз русская кухня, как наш американский папик любит.

– Ну и отлично, – Виталий тут же позвонил по внутренней связи секретарю. – Полинка, разыщи по Интернету рестора-

² От *англ.* «Russian style» – русский стиль.

цию под названием «Рашн стайл», позвони и закажи столик на двоих, к семи вечера. Постой, не клади трубку. Что там у Васильича с водителями? Плохо, должна, между прочим, знать. Соедини-ка меня с ним. Васильич? Ну что у нас там? Долго мне еще самому баранку крутить? В понедельник? А что так поздно? Ну и что, что пятница и вторая половина дня? Ладно, смотри, чтоб в понедельник были.

Малахов раздраженно ткнул трубку на базу. Похоже, безобидная хандра стала медленно, но верно переходить в раздражение.

– Да не заморачивайтесь, шеф, – лицо Аркаши было полно искреннего сочувствия. – Хотите, до ресторана я вас лично доведу? Заодно к матери заеду, в Немчиновку, там же недалеко. Она рада будет до смерти. С тех пор, как она окончательно в загородный дом жить перебралась, я ее нечасто балую своим посещением... А обратно такси возьмете. Там у кабака вечно водилы тусуются, по-моему, даже стоянка есть.

– Ладно, – буркнул Виталий и снова набрал внутренний номер Полины. – С Джозефом меня соедини.

Глава 2

Русская рулетка для американского партнера

Аркаша не подвел – ресторан действительно оказался вполне приличным и, что самое главное, явно понравился американскому гостю. Коллуэй с видимым удовольствием рассматривал вышитые крестиком скатерти и занавески, стулья с высокими резными спинками и стилизованные лубки на бревенчатых стенах. Он одобрительно цокал языком и только раз заметил, что прислуживать здесь, по его мнению, должны были бы девушки в сарафанах и кокошниках, а не одетые «а-ля тракторные половые» парни.

Солидный, а проще говоря, тучный Джозеф Аллен Коллуэй, несмотря на почтенный возраст (ему было уже хорошо за полтинник), в чем-то походил на малого ребенка. Эмоциональный и впечатлительный, он крайне болезненно реагировал на любые, самые мелкие неприятности, будь то автомобильная пробка или короткие гудки в телефоне. Зато уж когда случалось что-то хорошее, пусть даже и совершеннейший пустяк, радость Джозефа не знала границ. Малахову эта особенность заокеанского партнера доставляла много хлопот. Сами подумайте, каково вести дела с человеком, кидающимся из крайности в крайность? Однако сотрудничество

с Коллуэем было, по выражению Аркаши, «жирным». Очень выгодным. И ради этого Виталию приходилось терпеть постоянные перемены настроения Джозефа и даже его многочисленные капризы, что было, признаться, совсем уж нелегко.

К середине жизни бывший тexasский фермер, значительно преуспевший в мясном бизнесе, вдруг заинтересовался своей родословной, обратился к специалистам и неожиданно нашел у себя русские корни. Оказалось, что его прабабушка по материнской линии была родом то ли из Рязани, то ли из Зарайска... Пятидесятилетний вдовец, отец трех взрослых детей, пришел в восторг от своего открытия и страстно увлекся всем русским. Для начала он нанял себе учителей – носителей языка – в наши дни сделать это и в Техасе оказалось совсем несложно, – потом прочел несколько книг русских классиков (большинство, правда, по-английски, в сокращенном и адаптированном переводе) и, наконец, затеял торговлю с Россией. В Малахове он видел не просто партнера, но, по совместительству, закадычного друга, способного и желающего понимать все тонкости его мятущейся души с генетическими отголосками русской загадочности; гида по манящей и противоречивой стране, которую, как известно, умом не понять и аршином не измерить; бесплатного педагога по языку, а также кого-то вроде сказочной феи или золотой рыбки, чьей святой обязанностью является исполнение всех желаний, возникающих у Джо «на исторической роди-

не».

Еще при самом первом знакомстве Коллуэй заявил, что ему ну прямо-таки жизненно необходим камень из Кремлевской стены. Малахов сначала принял эту просьбу за шутку, а когда понял, что американец говорит совершенно серьезно, – растерялся, что, надо признаться, случилось с ним редко.

Выручил, как обычно, Аркадий. С очаровательной улыбкой, на чистейшем английском (Виталию язык никогда не давался, несмотря на «отлично» в дипломе, он и деловые письма-то понимал через два слова на третье, а говорить и вовсе не мог) молодой человек сообщил, что вынимать камни из Кремлевской стены никак нельзя, это преступление, за которое могут посадить в Бутырку или даже сослать на Колыму. Но вот булыжник, взятый прямо с мостовой Красной площади, он американскому гостю вполне может обеспечить, если тот пожелает. Коллуэй охотно согласился на такую замену, и на следующую же встречу Аркаша приволок в пластиковом пакете тяжеленный серый камень четырехугольной формы со следами земли. Джозеф был в восторге и только что не расцеловал Лошманова, а заодно и Малахова.

– Ты где ж это раздобыл? – не удержался от вопроса Виталий, едва за иностранцем закрылась дверь. – Камень ведь действительно старый, это невооруженным глазом видно. Неужели и впрямь выкопал темной ночью у входа в Мавзолей?

– Да нет, конечно, – рассмеялся Аркаша. – На улице подобрал. В переулке Чернышевского сейчас трамвайные пути ремонтируют.

На таможене в «Шереметьево-2» булыжник не пропустили. Техасец чуть не плакал и слезно умолял провожавшего его Малахова сохранить увесистый сувенир до его следующего приезда. Камень и сейчас лежал на видном месте в московской квартире, которую вскоре после той истории Коллуэй арендовал на Тверской-Ямской улице. «Специально снял, чтобы хранить оружие пролетариата», – шутил Аркадий.

– Ну, будем здоровы, Вит, – американец самолично разлил по хрустальным стопочкам водку из запотевшего штофа.

– Не здоровы, а здоровы, Джо, – автоматически поправил Малахов. Чуть ли не при каждой встрече Коллуэй просил его обязательно указывать на ошибки в его речи. И почти все время обижался, когда Виталий это делал.

Белесые брови Джозефа поползли вверх.

– Я слышал, Наташа сказала «здоровы», – возразил он.

Малахов кивнул.

– Да, так тоже иногда говорят. Когда кто-то или что-то очень большое. Это тоже от слова «здоровый», но не в смысле «не больной», а в смысле «огромный».

Техасец выслушал очень внимательно, но недоуменное выражение не исчезло с его лица.

– Наташа сказала: «Здоровы спать», – настаивал он.

– А, понятно... Это еще одно значение. Она имела в ви-

ду «любите поспать», «долго спите». Но вообще-то это устаревшее выражение.

– Ты знаешь, меня интересуют устаревшие выражения, – тут же заявил Джозеф.

Да, Виталий знал. Эта непомерная тяга Коллуэя к русскому языку его тоже очень утомляла. Объясняя дотошному американцу те или иные лингвистические премудрости, он сам не уставал удивляться запутанности и нелогичности законов родной речи. А он, в конце концов, не филолог и вовсе не обязан разбираться в этих тонкостях! Но куда денешься... Уроки русского были таким же неизменным атрибутом общения с Джозефом, как посещения Большого театра (балета Малахов терпеть не мог), прогулки по всяким Загорскам и Ростовам Великим, обильное поедание блюд русской кухни и столь же обильное принятие на грудь нашего традиционного и прославленного напитка.

Так было и в этот раз. Заливное сменилось солеными грибочками, селедочка – блинами с черной икрой, стерляжья уха – пельменями, а запеченная в горшочках свинина – пирогом с голубикой. И все это, как и положено, «под водочку». За обычным обедом Виталий не съел бы и половины, но тут не поддержать Коллуэя было нельзя, дабы не услышать: «Ты думаешь, я слишком много ем? Ты считаешь меня толстым?» И Малахов мужественно поглощал обильные яства, украдкой заедая их «энзисталом» – «таблетками от жадности», как называл их Аркаша.

Пиршество, по обыкновению, заняло несколько часов. Когда дело дошло до десерта, Джозеф уже был изрядно навеселе. Его обычно красноватое лицо сделалось багровым, в речи перемешивались русские и английские слова. Он дважды заказывал музыкантам «Подмосковные вечера», внимал им с выражением, живо напомнившим Малахову слушающего магнитофон царя из бессмертного фильма «Иван Васильевич меняет профессию», и в конце концов пустился отплясывать «барыню» в компании какой-то пышнотелой девицы. Виталий с трудом усадил его на место и принялся отпаивать кофе. Коллуэй вяло протестовал:

– But why?³ Она есть очень pretty girl⁴!.. Я want⁵... хотел... признаться in love *всем russian women*...⁶

– Угомонись, Джо, – отвечал Малахов, пододвигая американцу чашку. – Выпей кофе. Вот уж домой приедешь, Наташа тебе так признается, что мало не покажется...

– Наташа my sweety⁷, – техасец поглядел на него очень серьезно.

– Не сомневаюсь в этом. Пей давай... – Виталию совсем не улыбалась перспектива ночь-полночь тащить до дома эту пьяную тушу. Да еще при отсутствии собственного транс-

³ Но почему? (англ.)

⁴ Хорошенькая девочка (англ.).

⁵ Хотеть (хочу) (англ.).

⁶ Русские женщины (англ.).

⁷ Моя сладенькая (англ.).

порта.

На его счастье, Джозеф быстро пьянел, но и быстро приходил в себя. После нескольких чашек кофе, литра минеральной воды и активного умывания в туалете взор заокеанского партнера несколько прояснился, а речь постепенно стала обретать четкость.

– Где мы с тобой закончим вечер, Вит? – поинтересовался он, приглаживая мокрые волосы.

– Тебе мало на сегодня приключений? – усмехнулся Малахов.

– Я хочу поехать в казино! – решительно заявил техасец.

Виталий чуть не поперхнулся пирогом с голубикой, испеченным, как значилось в меню, по старинному вологодскому рецепту.

– Зачем тебе казино, Джо? Я еще понимаю Коломенское или там вечер романсов в исполнении трио «Реликт» – такого ты в Америке действительно не найдешь. Но уж казино у вас самих пруд пруди!

– Я хочу познакомиться с вашими игорными домами. – Коллуэй упрямо мотнул головой. Аркаша Лошманов как-то сострил, что этот жест он, скорее всего, позаимствовал у какого-нибудь быка с ранчо времен своей фермерской молодости. Так или иначе, движение головой у Джозефа означало только одно – он настаивает на своем, и никакие силы этого мира не способны будут его переубедить. И Малахову осталось лишь пожать плечами.

Сам он всегда старался обойти подобные заведения стороной. Ему хорошо были известны уловки, с помощью которых раскручивают вполне вменяемых людей на новые и новые ставки. Главное – чтобы клиент сделал первый шаг. Шаг этот почему-то всегда оказывается удачным, иногда даже слишком удачным. Очевидно, это происходит не только потому, что «новичкам всегда везет». Оно, конечно, может быть и так, но очень сомнительно, чтобы капризная и непостоянная дама – Фортуна – благоволила ко всем новичкам без разбора. Видимо, дело тут не обходится без человеческой смекалки. Много ли найдется людей, которые, сорвав большой куш, сразу заберут причитающиеся им деньги и покинут гостеприимное заведение? Да еще будучи немного в подпитии? Да еще подогреваемые восторженными взглядами красоток в вечерних платьях и отчетливым шепотом окружающих зевак, уверяющих друг друга, что вот он – настоящий везунчик? Разумеется, немного. Да что там говорить – почти ни у кого не хватит решимости тут же бросить игру. А дальше все просто: колесо крутится – выигрыш увеличивается. Ставки, соответственно, тоже. Взгляды модельных красавиц из восхищенных становятся откровенно заигрывающими. Шепот заменяется громкими восклицаниями и подбадривающим похлопыванием по плечу. Компания болельщиков разрастается – и становится просто неудобно разочаровать этих людей, которые так искренне желают тебе успеха... Финал тоже вполне предсказуем – хорошо, если у «везунчи-

ка» остается мелочь на такси. (Не потому ли в услуги некоторых игорных домов входит доставка клиента домой? Что-то вроде маленькой моральной компенсации.) Правда, говорят, что крупные казино, дорожащие своей репутацией, так не поступают, но извечный сюжет тем не менее остается неизменным. Первые сто долларов выиграть легко, а вот поставить их снова и получить тысячу... В конце концов, все казино мира построены на деньги проигравших. Но это – рассуждения на трезвую голову. Растолковывать свои соображения Коллуэю было сейчас все равно что биться о Кремлевскую стену. Пришлось расплатиться по счету (дружеские обеды с Джозефом всегда влетали Виталию в копеечку, но платить хотя бы за себя Виталий американцу не позволял, чтобы не нарушать «русскую традицию») и отправляться на поиски такси. К счастью, это действительно оказалось не проблемой. У входа в ресторан дежурило несколько приличного вида автомобилей. Накачанный парень, явно знавший о своем сходстве с голливудской звездой Антонио Бандерасом и всячески это сходство подчеркивавший, с первых же слов понял, чего хотят от него загулявшие ресторанные гости.

– Вам какое именно казино нужно? – поинтересовался он, лихо выруливая со стоянки.

Малахов вопросительно посмотрел на техасца. Тот заявил:

– Я хочу в русский игорный дом!

Виталий пожал плечами:

– Все равно, лишь бы заведение было приличное, а не при вокзальная забегаловка с игровыми автоматами.

– Ясно, – кивнул двойник Бандераса. – Тут недалеко есть одна лавочка, вполне себе гламурная.

Виталий ухмыльнулся про себя. Этим словечком любила пощеголять его супруга Лана. Считала его элитарным, даже признаком высшего общества. Как бы, интересно, она прореагировала, услышав его из уст простого шофера?

Не прошло и четверти часа, как их автомобиль, серебристая «БМВ»-«семерка», остановился у казино. Виталий придирчиво оглядел место назначения и остался доволен увиденным. Игорный дом целиком занимал симпатичный особнячок, отделенный от улицы небольшим садом за кованой металлической оградой. Необычайно яркая, переливающаяся разноцветными огоньками огромная вывеска сообщала, что казино называется «Принц».

– Ну, как тебе? – Малахов кивнул за окно. Джозеф, радостно кивая, уже вылезал из машины.

Виталий расплатился с водителем и, подумав, спросил:

– Может, вы нас дождетесь? Очень надеюсь, что мы не зависнем здесь до утра.

– А чего мне? – пожал широченными плечами двойник кинозвезды. – Могу. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

Во внутреннем оформлении двора и здания были использованы восточные мотивы, навевавшие ассоциации с мульт-

фильмом об Аладдине. «Очевидно, владелец в молодости увлекался компьютерной игрой «Принц Персии», – решил Виталий. – Помнится, я сам столько раз над ней до утра про-сидел...»

Среди многочисленных посетителей действительно преобладали восточные люди, но не иранцы, конечно, все больше гости столицы с Кавказа и из Средней Азии. В подавляющем большинстве мужчины. Женщин, к удивлению Малахова, считавшего, что прекрасный пол любит посещать подобные места, оказалось мало.

– Смотри, Вит, все рулетки заняты, а карточные столы пустуют, – удивленно констатировал Коллуэй. – В Вегасе всегда бывает наоборот. Я буду играть в кости, а ты?

– А я буду стоять рядом и следить, чтобы ты не спустил все свое состояние, – усмехнулся его российский партнер.

– Не бойся, мне это не грозит. – Джо напоминал мальчишку, который учит приятеля, как бросать в костер баллончик из-под аэрозоля, чтобы получился взрыв. – Я имею свою методику игры, и я никогда не проигрываю.

– Вот как? И что же это за метода?

– Ты, наверное, скажешь, что это... Не могу подобрать слово... Как это будет по-русски... superstition⁸... – Коллуэй защелкал пальцами.

– Суеверие, – подсказал юношеский голос.

Виталий обернулся. Мимо них проходила небольшая и

⁸ Суеверие, предрассудок (англ., религиозное).

уже изрядно подвыпившая компания молодых ребят, совсем зеленых, лет по восемнадцать-девятнадцать. По виду типичные мажоры – детки богатых родителей. Тот, что так хорошо знал английский, был небольшого роста и показался Малахову симпатичнее остальных.

– Спасибо, – поблагодарил Виталий.

– Да, суеверие, – подхватил техасец. – Понимаешь, мне везет, только когда дилер девушка, натуральная, непременно натуральная, блондинка. Кости я держу в левой руке и перед броском говорю про себя... Нет, ничего. Это моя тайна.

Наблюдать за Джозефом во время игры было особенно забавно. Малахов уже несколько раз имел это счастье – приглашая гостей в свою московскую квартиру, американец обязательно предлагал им партию-другую в шашки. Проигрывать Коллуэй совершенно не умел. На его полном красноватом лице сразу появлялась такая искренняя скорбь и такая нескрываемая обида, что тут же хотелось поддаться, сделать вид, что зазевался, и уступить какую-нибудь шашку. Но если же ему фартило, он тотчас оживал, начинал усиленно острить, улыбаться, и создавалось такое впечатление, будто он только что решил самую главную проблему в жизни.

Так было и на этот раз. Джозефу везло, и он сиял ярче, чем вывеска казино. Он не только что не расстался с имевшейся в кармане наличностью, но даже был в выигрыше, вероятно, благодаря тому, что не оставался подолгу на одном и том же месте. Его разгоряченная обильными возлияниями в

ресторане душа постоянно требовала разнообразия, и он то и дело переходил от одного стола к другому.

– Ты знаешь, Вит, кто придумал американскую рулетку? – спрашивал он, наблюдая за бегом шарика.

– Наверное, какой-нибудь твой предприимчивый соотечественник? Как известно, все гениальные, важные и полезные вещи изобретены в Соединенных Штатах.

Джо, судя по всему, иронии не понял:

– Нет, она изобретена французом. Он был математик или философ... Его имя было Паскаль. – Коллуэй имел такой важный вид, словно только что выдал не сомнительную гипотезу, а доказанный исторический факт.

Малахов покачал головой:

– Сомневаюсь, чтобы Паскаль, великий философ, стал придумывать приспособления для азартной игры. Ему что, больше нечем было заняться?

– Вит, ты не понял. Это не для игры. Паскаль пытался изобрести этот... Перпетум мобиле.

– Вечный двигатель?

– Yes. Но получилась рулетка. И американцы придумали в нее играть.

– Ну да, догадались применить неудавшийся вечный двигатель в коммерческих целях. Ну что ж, друг мой Джозеф, в это я, пожалуй, готов поверить. Правда, я слышал другую версию происхождения рулетки... Поздравляю, ты опять выиграл.

Коллуэй сгреб фишки и заинтересованно поглядел на собеседника:

– Какую?

– Ну, это, скорее, легенда. Некий Морис Блан, банкир, писатель и шулер, основатель крупного казино в Монте-Карло, продал душу сатане, чтобы получить секрет такого вот игрового устройства. – Малахов старался говорить совершенно серьезно. – Поэтому считается, что игорные дома – это одно из любимых мест на земле для дьявола и его приближенных.

– Ну, Вит, это же только сказка! – недоверчиво покачал головой его заокеанский партнер.

– Ты думаешь? Как знать... Попробуй подсчитать сумму всех чисел рулетки. Получишь три шестерки – число зверя.

Доверчивый Коллуэй послушно достал калькулятор и принялся складывать числа. Результат его ошеломил.

– Не может быть! – пробормотал он и испуганно оглянулся по сторонам. Лукавый не объявился.

– Может, пойдем в бар? – предложил Виталий, которому уже наскучило подшучивать. – Я бы не отказался чего-нибудь выпить.

– Я еще не играл в автоматы, – возразил Джо.

– Ну, так успеешь еще.

– Нет, я не пойду в бар, я выпил сегодня много, – выдал американец после некоторых раздумий. – Иди один и принеси мне этот... помидорный сок.

– Как скажешь, дружище.

Бар располагался наверху, в башенке, туда вела резная винтовая лестница. Виталий поднялся по ней и почти сразу же увидел женщину, сидевшую на высоком стуле у стойки. В первый миг ему почему-то вдруг показалось, что это его «девушка из таверны», но потом он сразу же понял, что обознался – женщина у стойки не имела ничего общего с его официанткой. Она сидела к нему спиной – стройной, смуглой, почти обнаженной, пересеченной крест-накрест двумя тонюсенькими бретельками, которые поддерживали длинную ярко-красную юбку, начинающуюся значительно ниже узкой талии. «Смело», – отметил он про себя. Ее черные волнистые волосы были небрежно склоты алой, в тон наряду, заколкой. Казалось, женщина качнет головой – и густая темная лавина сразу же рассыплется по плечам. «Со спины хороша, ничего не скажешь!» – пронеслось в голове у Малахова.

И, точно подслушав его мысли, женщина обернулась. Виталий жадно глянул в ее лицо и удивился. Судя по фигуре и одежде, он представил себе совсем молоденькую девушку, а даме явно было за тридцать, если не за сорок. Впрочем, она, без сомнения, могла позволить себе носить столь вызывающий наряд. Спереди платье оказалось не таким открытым, но тем не менее отлично подчеркивало все достоинства фигуры. Шея, руки и соблазнительно оголенные плечи были такими же загорелыми, как и спина. Черты смуглого лица казались правильными до безупречности.

Вообще-то Малахов не любил женщин в красном. Сам

цвет ему нравился, но не в одежде – слишком он привлекающий внимание, вызывающий и агрессивный. Позволить его себе может далеко не каждая. Но незнакомка была именно той редкой женщиной, которой красный шел.

Не обращая никакого внимания на его пристальный взгляд, женщина легко соскользнула с высокого стула и направилась к лестнице. Виталий посторонился, пропуская. Ее щиколотки, видневшиеся при ходьбе в разрезе длинной юбки, обнимали плетеные ремешки черных босоножек на высокой шпильке. На левом плече она придерживала лакированную сумочку на таком же плетеном ремешке.

Когда она проходила мимо, он с удивлением обнаружил, что от нее *никак* не пахло. Ни легкого аромата духов, ни дуновения от волос, ни запаха кожи – вообще ничего. Он даже не думал, что такое бывает.

Пройдя в бар, Малахов машинально отметил, что на стойке не осталось пустого стакана. Выходит, женщина сидела там просто так, и бармен никак на это не реагировал.

«Видимо, она здесь своя, – решил Виталий. – Интересно, кто она? Судя по одежде, дама очень состоятельная, вряд ли проститутка... Но и на игрока она не похожа. Скорее всего, чья-нибудь жена или подруга. Кого-нибудь из завсегдатаев. Или из местных. Может быть, даже хозяина казино».

Выпив коктейль и прихватив стаканчик «помидорного» сока для Джо, Малахов вернулся в зал. Женщины в красном уже нигде не было видно, зато он почти сразу же наткнулся

на своего заокеанского приятеля и с одного взгляда понял, что тот чем-то взволнован.

– Что случилось, Джо? Ты сорвал джек-пот?

– Автоматы не принесли мне выигрыша, – покачал головой техасец.

– Ну так пей свой сок и поехали домой!

– Нет, я хочу играть еще.

– По-моему, ты уже все тут перепробовал.

– Нет, не все. – Джозеф залпом выпил сок. – Я тут слышал крайним ухом... Что ты улыбаешься? Я неправильно сказал?

– Ну да, дружище, надо говорить «краем уха». Ладно, не обижайся! Так что ты слышал?

– Тут где-то играют в «русскую рулетку». Что это такое?

Виталий снисходительно улыбнулся:

– Джо, ты что-то не так понял. В русскую рулетку не играют, это просто такое выражение, что ли...

Американец жаждал разъяснений.

– Понимаешь, раньше у военных, да и не только у военных, было такое опасное развлечение. Брели револьвер, вынимали из барабана все патроны, кроме одного, по очереди прикладывали оружие к виску или там к сердцу и нажимали на спуск. Соответственно тот, кому не повезло, мог схлопотать пулю.

Глаза Джозефа стали совсем круглыми, то ли от ужаса, то ли от удивления, что можно развлекать себя столь экзотическим образом:

– Я сам слышал... Эти мальчишки, которые сказали про суе... про суе...

– Они шутили, Джо. Или говорили не всерьез. Образно, понимаешь? А может, просто вспоминали передачу. У нас недавно была телеигра с таким названием. А ты много проиграл в автоматах?

– Нет, – не задумываясь, ответил Коллуэй. – Ровно тысячу ваших рублей. Так что сегодня моя прибыль составила шесть тысяч семьсот пятьдесят ваших рублей, или двести тридцать шесть долларов и восемьдесят четыре цента.

– Я рад за тебя.

– Может, отметим мой выигрыш в баре?

– Не сейчас, дружище. Уже половина второго ночи. Если честно, я просто с ног валюсь. Да и девушки наши дома заждались – моя Лана и твоя Наташа.

– Да-да, Наташа! – при упоминании этого имени техасец просветлел лицом. – Ты прав, пора до хаты, до дому. Но, Вит, ты помнишь, завтра ты и Лана будете обедать у нас?

– Уже сегодня, Джо! Вот уже полтора часа, как наступила суббота.

Они направились к выходу. Несмотря на поздний час, народу в казино не убывало. Виталий поймал себя на том, что все еще ищет женщину в красном. Но той нигде не было видно.

Ночь была лунной и удивительно теплой. Малахов и Коллуэй пересекли небольшой сад и уже подходили к воротам,

как вдруг за их спиной раздался странный шум: резкий хлопок, точно взорвалась петарда, а затем – громкие, отчаянные крики нескольких голосов, перекрывших даже гремевшую в саду музыку.

– Что это? – испуганно спросил американец. – Это выглядит, как... как...

Он не договорил. Сделав несколько шагов в ту сторону, они своими глазами увидели, *как* это выглядело.

В углу сада, подальше от увитых гирляндами ярко горящих лампочек деревьев, стояла уже знакомая компания мальчиков-мажоров. Вернее, стояли они не все. Один из них – тот самый, кто знал, как по-английски «суеверие», – лежал на земле. Первого взгляда было достаточно, чтобы понять, *почему* он лежит.

Даже при таком освещении было отчетливо видно, что рядом с парнем на молодой, только-только пробившейся траве валяется револьвер. «Наган», с ходу определил Виталий, – причем старый, дедовский или копанный. Да, доигрались детки в войнушку... По белевшему в темноте джемперу расплылось на груди темное пятно. Малахова поразило, что крови было на удивление мало. Ему почему-то казалось, что должно быть больше, намного больше... От ее запаха затошнило.

Джозеф, с трудом присев на корточки – мешал объемистый живот, – пытался нащупать у мальчика пульс. Виталий молча наблюдал за ним и уже неизвестно откуда знал, что это бесполезно. Просто знал, и все. Он молча рассматривал

лежащего. Светлые волосы, лицо, при жизни бывшее милым, а сейчас искаженное, но не гримасой боли или ужаса, а пожалуй, выражением безграничного недоумения. На парне стильная обувь и одежда, джинсы с широким поясом съехали вниз, открывая дорогое белье. Не иначе, тоже, блин, метросексуал, как Аркашка... Вернее, был им.

Вокруг уже давно поднялась суета, собрались люди, раздавались возбужденные голоса. А Малахов все смотрел и смотрел на тело. Потом поднял голову и увидел ее.

Она стояла совсем рядом, прямо напротив него, с другой стороны от убитого. Странно неподвижная среди суetyющейся кучки людей. Поверх алого платья теперь был накинут длинный темный бархатистый плащ, и это сочетание алого и черного навевало неприятную ассоциацию с отделкой гроба. Черная крышка – красная бархатная подкладка. А внутри покойник.

Женщина тоже глядела на тело, но на ее лице не было ни страха, ни скорби, ни брезгливого любопытства – ничего общего с тем, как обычно смотрят на мертвых. Скорее, на ее лице читалось... Нет, пожалуй, Виталий никак не мог бы определить для себя выражение ее лица.

Она подняла голову, встретила его взгляд и едва кивнула, то ли ему, то ли своим мыслям. Малахов не понял, что означал этот жест. А затем легко и непринужденно, точно делала что-то совершенно естественное, перешагнула на своих высоченных каблуках через мертвое тело, неторопливо прошла

к воротам и скрылась за ними, так ни разу и не обернувшись.

Глава 3

Будничная суббота

Как это ни странно, Виталий Малахов относился к той немногочисленной категории людей, которые терпеть не могут выходные. С одной стороны, он не был работоголиком, у которых понедельник начинается в субботу, а день, проведенный в отрыве от любимого дела, приносит танталовы муки. С другой, выходные, а субботы особенно, у него обычно не задавались. Как все нормальные люди, он всю неделю мечтал отоспаться – и просыпался в субботу на полчаса позже, чем в будни. А потом долго не мог решить, что же делать дальше. Заставить себя опять уснуть? Можно, но тогда – Виталий хорошо это знал – он проспит до полудня, встанет с больной головой и весь день будет чувствовать себя разбитым. Неплохо было бы поваляться в постели с книжкой, но в выходные чаще всего выходило так, что читать было нечего – очередная книга или только что была закончена, или оказывалась забыта в офисе. И, поворочавшись с четверть часа, Малахов вставал, приводил в порядок постель, плелся в душ... А потом все утро маялся, не зная, куда себя деть, листал какие-то журналы, болтал по телефону, развалившись на диване, бездумно щелкал кнопками телевизионного пульта, переключаясь с одного спутникового канала на другой, с

футбола на познавательную передачу о египетских пирамидах, а с очередного бандитского сериала на очередной бездарный музыкальный клип.

Так было и на этот раз. Разбудили его яркий солнечный свет и веселый гомон воробьев. Он всегда спал с незашторенными и приоткрытыми окнами, даже зимой. А уж когда было тепло, и вовсе норовил распахнуть их настежь. Лана, супруга, этого терпеть не могла. Ей тяжело было уснуть при свете, и даже в полном мраке она надевала на глаза специальную маску. И сквозняков она не выносила, окна при ней всегда были закрытыми. «Зачем глотать пыль и слушать этот шум, когда в доме кондиционер?» – возмущалась супруга. А Малахову вечно казалось, что в комнате душно и кондиционер не спасает от духоты... Решили проблему только разные спальни. Во время последнего ремонта специально для Виталия переделали бывшую детскую. Именно в ней, один на широченной кровати, он и проснулся в то утро. На часах восемь пятьдесят семь. Сна ни в одном глазу. Зато очень хотелось кофе. Вот бы кто-нибудь подал его в постель... Виталий усмехнулся про себя, вспомнив кого-то из сатириков: «Хотите кофе в постель? Нет ничего проще! Встаньте, сварите кофе, налейте в чашку, отнесите в спальню, потом ложитесь – и пейте себе на здоровье!» Может, горничную нанять, чтобы кофе по утрам подавала? Этакую длинноногую мулаточку в белом фартучке, мини-платьиче, кружевной наколке на голове и чулочках на широкой резинке... Он по-

пытался представить себе такую горничную, но воображение вместо знойной мулатки почему-то нарисовало русую официантку из любимого кафе. Малахов снова усмехнулся и отправился в свою ванную. У них с Ланой были не только разные спальни, но и разные ванные комнаты. Супруге необходимы были джакузи, живые цветы, зеркальная стена и чуть не с полдюжины шкафчиков, битком забитых всевозможными женскими вещичками. Виталию же вполне хватало душевой кабины, пары полок для умывальных принадлежностей да небольшого комода, где хранились чистые полотенца.

На душе опять было как-то сумрачно. Но не из-за вчерашнего происшествия в казино, нет. Безграничное удивление на лице нелепо погибшего мальчика, оброненный «наган», женщина в красном платье, перешагивающая через мертвое тело, – солнечным утром все это уже казалось не более чем неприятным сном или кадрами из просмотренного накануне фильма. Несколько дней назад Виталий, пока ехал на деловую встречу, то и дело застревая в пробках, слушал по радио интервью с каким-то психологом. Ученый муж очень возмущался «культом темы насилия» в книгах, кинофильмах и компьютерных играх. По его мнению, это привело к тому, что «человеческая жизнь резко обесценилась». Люди стали столь же безразлично относиться к смерти в реальном мире, как относятся к ней в выдуманном. И, вернувшись мыслями к трагедии в саду казино, Малахов неохотно признал, что психолог, пожалуй, прав. Воспоминания о вчерашнем не

вызывали в душе никаких эмоций, кроме досады и желания поскорее забыть. Малахов так и поступил. Принимая контрастный душ, он уже размышлял о планах на выходные и с сожалением признавал, что ему *вообще ничего не хочется*. Не хочется никуда идти, не хочется никого видеть, ни с кем говорить... И делать ничего не хочется. Вообще.

Он выключил воду и вышел из душевой кабины. Большое зеркало, вмонтированное в противоположную стену, запотело. Виталий мазнул по нему ладонью и посмотрел на свое распаренное, недовольное, мокроволосое отражение.

– Ну чего тебе надо? – спросил он. – У тебя все есть. И даже больше, много больше. Ну скажи мне на милость, что тебе не так?

Но отражение ничего не ответило...

Виталий Малахов был родом из ПГТ – поселка городского типа в Калужской области, носившего загадочное название Товарково. По местным меркам – райцентр на берегу красавицы Угры, с собственным заводом, семью магазинами, почтой, рынком и медпунктом. По столичным же – богом забытое захолустье с населением всего-то двенадцать тысяч человек, о котором москвичи и слыхом не слыхали.

«Элитным жильем» в родном поселке считались блочные пятиэтажки, появившиеся где-то на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Виталий отлично помнил, как пацанами они тайком пробирались на стройку, прячась от сторожей, затевали интереснейшие игры, с упоением лазили по лаби-

ринтам полуготовых стен и подвалов, баловались со стройматериалами, кидались всем, что под руку попадет, и плавили в старых консервных банках обломки свинцовых решеток. Серебристый металл пузырился, превращаясь в однородную массу, его, обжигаясь, выливали в заранее подготовленные в песке ямки, и получались разные фигурки – солдатики, пушки, пистолеты. А потом стройка заканчивалась, и в дом въезжали счастливые новоселы. Но таких было немного. Большинство товарчан обитало в двухэтажных деревянных бараках с удобствами во дворе, выстроенных в первые годы советской власти, если не раньше, или в собственных, совсем уж деревенских домишках. Именно такой дом – бревенчатый, рубленый, с русской печкой – был и у Малаховых. Застекленная терраса, где летом было хорошо, а зимой невообразимо холодно, небольшая кухонька, горница, маленькая мамкина спальня и две даже не комнаты, а просто закутка, отгороженных от горницы только выцветшими ситцевыми занавесками. Тот, что побольше, принадлежал деду и бабушке, в меньшем провел первые семнадцать лет своей жизни Виталий. Закуток был настолько тесным, что в нем едва помещалась узкая железная кровать с пружинной сеткой и потускневшими шариками на спинке да сбитое дедом из сосновых обрубков подобие прикроватной тумбочки. Уроки Малахов делал в горнице, за единственным столом, который в обычные дни был покрыт цветастой клеенкой, а в праздники застилался белой скатертью с бахромой.

Жили в Товаркове просто. Днем по будням работали – кто на местном заводе, кто в близлежащих совхозах, кто в Калуге, до которой нужно было добираться сорок минут по разбитой дороге на старом дребезжащем автобусе. Вечерами и в выходные тоже работали, только на себя – практически у каждой семьи имелся сад и огород. Многие держали скотину: иногда коров и поросят, чаще коз и птицу. Мужики ловили в Угре рыбу – летом с берега, зимой в проруби. Все товарчане, от мала до велика, ходили по грибы и по ягоды в щедрые окрестные леса, ведрами приносили землянику, лисички, малину, грузди, опята, подберезовики с подосиновиками, а если повезет и год выдастся удачный – то и белые. Кто-то сдавал это богатство в «Центросоюз», кто-то вез на рынок в Калугу или Москву, но большинство запасались на зиму. С июня по ноябрь – от первой земляники до последних яблок, когда варили варенье и гнали самогонку – сахару было не достать. Летом, во время засолки огурцов и грибов, были перебои и с солью. Поэтому и то и другое, а заодно и еще что-нибудь, что повезло достать – крупу там или макароны, – норовили запасти заранее, в огромных пятидесятикилограммовых мешках, которые ставили поближе к печке, чтобы содержимое не отсырело. Остальные припасы хранили в погребе. Все было, разумеется, свое, покупать картошку или капусту никому и в голову не приходило. В местные магазины ходили в основном за бакалеей, спиртным да сигаретами, больше там ничего особо и не было. А перед праздни-

ками или когда хотелось чего-нибудь вкусенького, выбирались в Москву на электричках, прозванных «колбасными», поскольку затаривались в столице преимущественно сосисками, сыром да колбасой. В Товаркове, как и во всех других мелких населенных пунктах, находившихся дальше ста верст от Москвы, такие вещи были настоящими деликатесами. Маленький Виталка до страсти любил сосиски и вареную колбасу – «Докторскую» за два тридцать и в особенности «Любительскую» за два девяносто. Но отведать такого лакомства удавалось нечасто...

Растеревшись докрасна мягчайшим махровым полотенцем и закутавшись в любимый халат, купленный во время очередной поездки во Францию, Малахов покинул свою ванную и спустился на первый этаж, в просторную кухню-столовую. Этим помещением Светлана особенно гордилась, после ремонта постоянно таскала сюда гостей, заставляла восхищаться дизайнерскими решениями, сыпала модными словечками: «эргономичность», «элементы хайтека», «тенденция к модерну-минимализму». Виталий лишь усмехался. Для него главным всегда было удобство. Пользоваться такой кухней было, конечно, не в пример лучше, чем колоть дрова, готовить в русской печи или на керосинке, ведрами таская воду из колонки, что торчала от них за три дома. В основном готовила бабка, и доставка воды была святой обязанностью маленького Виталика.

Жили они тогда вчетвером – он, мамка Зина да дед с баб-

кой. Мать работала учетчицей на заводе, бабка Вера Кузьминична целыми днями хлопотала по хозяйству – у Малаховых был большой огород и сад с яблонями и вишнями, еще в придачу козы и куры. Оттого на столе у них были козье молоко и яйца, а в сарае держалась стойкая вонь от куриного помета, настолько едкая, что щипало глаза.

Деду Степану Тихоновичу повезло вернуться с фронта даже не раненым, но в середине пятидесятых его, работавшего взрывником на карьере, где добывали щебень, контузило случайно отлетевшим осколком. С тех пор он оглох на правое ухо и все время разговаривал так громко, точно старался перекрыть шум падающей породы. Зина была у них поздним ребенком – к тому моменту, как они стали бабушкой и дедом, оба старших Малахова уже вышли на пенсию.

История появления Виталия на свет была столь же типичной, как и жизнь в родном поселке. Зина Малахова ничем не отличалась от миллионов своих ровесниц, родившихся в первые послевоенные годы. В меру бойкая, но не развязная деревенская девушка, не красавица, но и не дурнушка, больше всего любившая, как она сама написала в своем девичьем дневнике, «свою Родину, вишневое варенье и фильмы с французским актером Жаном Маре». С рыжим Пашкой Волчковым у них случилась любовь еще в десятом классе, встречались почти два года, до самого Пашкиного призыва в армию, но Зинка была девушкой строгой, себя блюла и никаких вольностей кавалеру не позволяла. Как поло-

жено, отгуляли на проводах, простились за околицей, Пашка отбыл по месту службы, а Зина обещалась ждать. Ждала честно, на танцы в клуб перестала ходить, сидела вечерами дома, писала защитнику Родины нежные письма, бегала к воротам встречать почтальоншу. С местом службы Павлу повезло – отправили его не куда-нибудь в Заполярный круг или знойную Среднюю Азию, а в сытую и ухоженную Прибалтику. Письма в серых конвертах без марки приходили от него регулярно, но рассказывал в них Пашка больше не про свои горячие чувства к той, что осталась в родном поселке, и даже не про доблестную воинскую службу, а про эту самую Прибалтику, потрясшую его до глубины души. Там все было не так, все прямо как в «ненашем» кино – и море, и замки, и старинные дома в городах, и аккуратные ухоженные фермы вокруг этих городов, и чисто одетые вежливые люди, говорящие на непонятном языке, и девушки, все как на подбор красавицы, высокие, статные и белокурые. Про девушек низкорослой курносой Зинке нравилось меньше всего.

Ровно через год Пашка прибыл в отпуск, «на побывку». Он похорошел, возмужал и говорил в основном на одну тему: «А по-латышски хлеб будет maize», «А вот в Латвии даже в хлеву так не воняет, как тут на улице», «А латышские девушки таких платьев не носят, у них у всех юбки короткие, выше колен, вот по сих пор, называется мини». С Зиной он был нежен и настойчив, и она не устояла. Из трех положенных суток отпуска почти двое парочка провела на-

едине, в майском лесу и на берегу Угры. Потом Павел уехал, а Зина, счастливая и влюбленная, как это нередко случается, не сразу поняла, что с ее организмом творится что-то не то. Сначала не думала об этом, потом сомневалась, потом боялась подтверждения и до последнего надеялась, что «все как-нибудь обойдется»... Словом, когда она наконец решилась показаться врачу, был уже четвертый месяц. Аборт делать поздно, да Зинка и не собиралась. Она не сомневалась, что Павел обрадуется ребенку. До его демобилизации оставалось уже не так много. «Вернется – и мы сразу поженимся, – мечтала девушка. – Даже хорошо, что малыш к тому времени уже родится. У меня живота не будет, можно будет платье красивое сшить, кружевное на чехле, как было у Ирки Шакуриной». Однако сообщить любимому радостную новость Зинка почему-то никак не решалась. Несколько раз садилась за стол, начинала писать и рвала бумагу сразу после нескольких фраз. Ей все казалось, что это послание должно быть особенным, не таким, как все остальные.

Пока она подбирала слова, почтальонша принесла очередной солдатский конверт. Зинка торопливо вскрыла его, достала аккуратно сложенный листок в клетку и начала читать.

«Зина, – писал в первых же строках ефрейтор Волчков, – хочу сообщить тебе, что ты теперь свободна. Между нами все кончено. Я встретил здесь девушку по имени Линда. Она очень красивая. Мы любим друг друга и после дембеля поженимся. Я останусь жить здесь, в Латвии. Прощай и не по-

миной лихом».

Ноги у девушки подкосились. Она упала на кровать и горько разрыдалась.

Писем от Павла больше не было. Прошло несколько месяцев. Ближе к зиме, когда живот уже был заметен, Зина решила прийти к нему домой.

– А откуда я знаю, что это его ребенок, – сказала, стараясь не смотреть в ее сторону, тетя Нюра. – Может, нагуляла от кого другого, а теперь хочешь все на Павла свалить. Парень хорошо устроился, живет почти в загранице – нечего ему жизнь портить!

Девушка развернулась и ушла. И не стала никому портить жизнь. Писем от Пашки больше не было. Он действительно остался жить в сказочном краю шпрот и сгущенки, и в родном Товаркове так с тех пор ни разу не появился. А у Зины в середине февраля родился мальчик, которого она назвала красиво и «по-модному» Виталием. Записали его хоть и Павловичем, но Малаховым. Реакция родителей была самой что ни на есть типичной – сначала, конечно, пошумели, мать поплакала, отец покричал, поругался нехорошими словами, что, мол, шлюха и в подоле принесла. А потом ничего, оба поутихли и к внуку привязались – хоть и «нагулянный», а все же свой, кровиночка. Так и зажили... И ничего – жили неплохо. Так, по крайней мере, казалось Малахову в детстве. В раннем возрасте всевозможные мелкие неприятности и бытовые неудобства вроде старой одежды и отсутствия

горячей воды воспринимаются как-то проще. А может, и не так. Может, они и ощущались остро, но с годами это забылось. И теперь кажется, что тогда это было не так уж важно. Ну, подумаешь, ботинки вечно были велики на полтора размера и стоптаны чужой ногой. Мыться приходилось в корыте и предварительно нагревать на печке огромный тяжеленный бак. Питались в основном картошкой да капустой. Зато как тепла и ласкова была вода во время купания в Угре! Как душисто пахло на ее берегах цветами и свежескошенным сеном! Как сладка была клубника с бабушкиных грядок, вкусны прятавшиеся в больших листьях колючие огурцы, сочно хрустела на зубах в солнечные, но уже холодные золотые осенние дни спелая антоновка... Как здорово было зимой, набегавшись по морозу, вдоволь напиться вечером горячего-горячего чаю из большой алюминиевой кружки... С годами все это почему-то потеряло свою прелесть. Вода даже на самых лучших морских курортах не такая. И клубника. И антоновка...

Виталий засыпал в кофеварку любимый венский кофе, открыл встроенный холодильник, привычным взглядом окинул полки. Морепродукты, икра, пармская ветчина, французский сыр с пониженной калорийностью, обезжиренное молоко... На отдельной полке в супермаркетовских коробочках свежие ягоды: земляника, голубика, ежевика. Лана очень внимательно следила за их питанием. Подумав, он вынул буженину – затянутые в пленку тоненькие аккуратные

ломтики нарезки на белоснежном поддоне, достал из специального ящичка диетический багет с отрубями. Другого хлеба у них в доме не водилось, и Малахова это вроде бы даже устраивало. А в детстве казалось, что ничего на свете нет вкуснее свежего и душистого черного «кирпича» с жесткой корочкой и теплым нежным мякишем. Черный хлеб почему-то был для них обязательным атрибутом игры в «партизан и фашистов». Тогда, в семидесятые, Калужская земля еще хранила множество ран, нанесенных войной, – воронки от взрывов, траншеи, окопы. . . Их любимым местом была отлично сохранившаяся землянка в лесу. Там полагалось держать оборону от врага, а в перерывах между атаками непременно съесть этот самый хлеб, запивая его из котелка студеной колодезной водой. А «фашисты», ясное дело, не давали расслабляться. Отстреливались от противника шишками или «понарошку» из деревянных автоматов. Хотя побывали у них в руках и куда более опасные вещи. В окрестных лесах и полях, где шли кровопролитные бои, чего только не выкапывали из земли дотошные пацаны! Каски с полустертой красной звездой или свастикой, пустые рожки и диски от знаменитого «ППШ», помятые железные фляги. . . Гильзы от разного оружия и за находку-то не считались, у каждого мальчишки их было по несколько горстей. Но среди них случалось найти и целый патрон, который, понятное дело, взрывали, каким-то чудом оставаясь живыми и невредимыми. Впрочем, везло не всем. Были случаи – калечились, обжига-

ли лицо, увечили глаза и пальцы, а соседский Васька Лукьянов, тети-Манин сын, бывший семью годами старше Малахова, погиб, подорвавшись на копаной гранате. Но все эти ужасы, конечно, мальчишек не останавливали, и они с удвоенным любопытством продолжали поиски. Маленький Виталька все мечтал выкопать где-нибудь немецкий «шмайссер», но ему так и не удалось, хотя, по слухам, подобное случилось. В соседней деревне Комельгино, поговаривали, парень из Москвы нашел целехонький пулемет «максим». Виталий даже помнил, что звали того счастливирика Сергеем. Хотя, быть может, и наврали про пулемет-то...

При помощи нежного сигнала кофеварка дала знать, что кофе готов. Малахов налил себе полную чашку густого дымящегося напитка, бросил два куска коричневого сахара, подумав, добавил еще один. Плеснул сливок, разместил приготовленные бутерброды на большой керамической тарелке, идеально сочетавшейся по рисунку и дизайну с общим оформлением кухни-столовой. Уселся за стол с прозрачной столешницей, откинулся на причудливо изогнутую спинку современного стула, машинально притянул к себе валявшийся в стороне журнал. Читать за едой – это была его давнишняя и неискоренимая привычка, с которой Лана уже устала бороться.

К чтению Малахов пристрастился в третьем классе. Он отлично помнил этот момент – была очень холодная зима; сразу после каникул он простыл и свалился, но, как выясни-

лось позже, не просто с гриппом или ОРЗ, а со свинкой. На шее под ухом раздулась огромная безобразная шишка, которая очень болела. Трудно было не только жевать и глотать, но даже дышать. Толстая пожилая врачиха велела повязываться косынкой и строго-настрого запретила выходить на улицу. Болел Виталька редко и потому страдал от долгого сидения дома. Чего делать-то, скажите на милость? Ни в снежки поиграть, ни с горки покататься, ни крепость построить. Мать три дня молча наблюдала за его мучениями, а на четвертый принесла с работы толстую растрепанную книжку. Это были, как он сейчас помнил, «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гека Финна». Читал Малахов к тому времени хорошо. Он вообще был способным и искренне недоумевал, почему большинство его одноклассников не в состоянии врубиться в самые элементарные вещи вроде арифметических действий – ну чего тут можно не понимать? Но вот взять в руки книгу, помимо учебника, ему до той самой злощастной свинки как-то в голову не приходило. Теперь же он от скуки раскрыл принесенный том – и уже не мог оторваться, даже о болячках своих забыл. История отчаянных и озорных мальчишек, так похожих (как ему казалось) на него самого, увлекла Виталия. «Тома» он прочел за три дня, «Гекка», понравившегося даже больше, – за два, а когда книга закончилась, тут же открыл ее снова и начал сначала. А едва ему позволено было выйти на улицу, сразу же влез в пальто и валенки, нахлобучил шапку и пулей вылетел за ворота, но

помчался не к приятелям и не на речку, а в клуб, при котором была поселковая библиотека. Записался и также бегом вернулся домой, прижимая к себе новую книгу – на этот раз «Остров сокровищ». Библиотекарьша, на его счастье, оказалась понимающая. С тех пор Виталий просто жизни себе не представлял без чтения...

Журнал оказался женским и на редкость скучным. Как всегда, одно и то же – светская хроника, звезды, хвастающиеся своими домами, машинами, детьми и собаками и изо всех сил, но тщетно, пытающиеся продемонстрировать *глубокое внутреннее содержание*; мода; косметика; советы, как привлечь и удержать мужчину, и реклама, реклама, реклама... Вспоминать было гораздо интереснее. Малахов отодвинул от себя журнал, взял с тарелки второй бутерброд, куснул, отхлебнул кофе. Возвращаться мыслями в свое отрочество он не слишком-то любил. Но раз уж пошла такая пьянка...

В седьмом классе он влюбился. Объектом его нежной страсти стала одноклассница Галка Антипова, настоящая русская красавица, высокая, статная, синеглазая, с развитой грудью и длинной толстой русой косой, которую она всегда перекидывала вперед, дабы, как он понял только сейчас, эту самую грудь подчеркнуть. Когда она стояла рядом или проходила мимо, у него кружилась голова от крепкого, манящего запаха ее тела. Всю вторую и третью четверть Галка являлась ему во сне, смущая и нарушая ночной покой формирующегося организма, а в четвертой парень не выдержал и, как

это называлось в книгах, «объяснился» с ней в школьном саду среди цветущих яблонь и вишен.

– Галка, а давай с тобой гулять? – предложил он нарочито развязным тоном, внутри весь дрожа и холодея.

Антипова округлила и без того огромные глаза и вдруг расхохоталась:

– Ты чего, сдурел, Малахов? Ты на себя посмотри! Тоже кадр нашелся! Да ты же мне в пупок дышишь!

Она действительно была выше его на полголовы, в этом возрасте девочки часто обгоняют мальчиков в росте. Но Виталий тогда этого не знал. Впрочем, если бы и знал, вряд ли бы ему это помогло...

Пустячный, в общем-то, эпизод с точки зрения взрослого человека для подростка стал настоящей драмой, переломным моментом в жизни. Он очень болезненно переживал этот удар, даже поплакал ночью. А утром принял решение.

«Ну что же, она еще пожалеет! – сказал он себе, когда небо за окном стало светлеть и в сарае хриплым истошным голосом заорал, призывая зарю, кохинхинец Петька. – Увидит, каким я стану, поймет, какой была дурой... Но будет уже поздно!»

Плохое обернулось к лучшему. Права была бабушка Вера Кузьминична, к тому времени уже покойная, со своим «Все, что Господь ни делает...». С этого мига Малахов дал себе слово, что многого добьется в жизни. И принялся упорно и настойчиво двигаться к своей цели. Если раньше он зани-

мался не слишком старательно, то теперь перестал тратить время на то, что дед называл «собак по улицам гонять», и кинул все силы на учебу. Вскоре из «твердого хорошиста», как это тогда именовалось, он превратился в отличника. Одним из первых в своем классе Виталий вступил в комсомол и до окончания школы был неизменным членом школьного комсомольского комитета. При этом он отнюдь не стремился быть лучшим, сделаться секретарем, комсоргом или хотя бы старостой класса. Слава и шумный успех были не для него. Он охотно предоставлял авансцену другим персонажам, а сам продолжал спокойно заниматься своими делами, оставаясь в тени.

Два последних выпускных года были очень нелегкими. Во-первых, умер любимый дед, и вся мужская работа по дому свалилась на еще не окрепшие плечи Виталия. Во-вторых, Малахов взял курс на поступление в вуз, да не в калужский, а непременно в московский. Он выбрал Институт химического машиностроения – не самый престижный, но и не такой, за диплом которого потом будет стыдно. Вечерами, когда его дружки-приятели собирались в стайки, шутили, танцевали, выпивали и бренчали на гитарах, он сидел над учебниками и готовился к вступительным экзаменам. И ни разу не пожалел об этом. Да, он сознательно и почти полностью лишил себя всех традиционных радостей юности. Он не курил, не получал особого удовольствия от спиртного, редко бывал в компаниях и вообще не встречался с девушками.

Все это, как нетрудно догадаться, отнюдь не рождало симпатий к нему. В классе Малахова недолюбливали, друзей у него почти не стало. До открытых столкновений дело доходило нечасто, но ему до сих пор были памятны несколько драк, из которых он, что греха таить, не всегда выходил победителем. Но, к счастью, в систему это не вошло. Несмотря на неприязнь, Витальку все-таки уважали. За ум, за знания, за то, что не был выскочкой, стукачом, подлецом.

Словом, школьная юность была далеко не самым приятным периодом в жизни. Но сейчас, с высоты прожитых лет, он гордился собой и понимал, что все это было не напрасно. Его старания увенчались полным успехом. Медаль, отличная характеристика и уровень знаний, удививший его преподавателей («Даже не скажешь, что вы из провинции!», как выразился один из них), сделали свое дело. Абитуриент Малахов был зачислен на первый курс и поселился в общежитии «института хороших мальчиков», как в шутку называли свой вуз сами студенты.

Москва ошеломила его. Конечно, он бывал здесь раньше, и неоднократно – всего-то четыре часа на дорогу, – но одно дело *бывать*, просто ходить по улицам, глазеть на витрины, машины и прохожих, и совсем другое – жить. Мыться в душе, куда не надо таскать ведрами воду, готовить на газовой плите, ездить на метро и троллейбусах, есть мороженое, ходить в кино и в Парк культуры...

А дальше – больше. Малахов стал захаживать в гости к

сокурсникам и поразился тому, насколько отличалась столичная жизнь от жизни в провинции. Двести километров, отделявшие Москву от Товаркова, оказались «дистанцией огромного размера». Насколько же здесь был налажен быт! Таких вещей, как домашний телефон, стиральная машина или электрочайник, в родном поселке не водилось в принципе. Там далеко не у всех семей были черно-белые телевизоры – а тут почти в каждом доме, где ему удалось побывать, смотрели цветные. Для его бывших одноклассников катушечный магнитофон был пределом мечтаний – а москвичи уже давно обзавелись кассетниками. Более того, в доме у друга Сашки Семенова Малахов впервые увидел настоящее чудо – видео. Санькин отец, бывший каким-то хорошим то ли инженером, то ли строителем, привез его из заграничной командировки. У них даже имелись две кассеты с русским переводом – про Кинг-Конга и про Индиану Джонса. Надо ли говорить, что и то и другое было пересмотрено сотни, если не тысячи, раз и в конце концов затерто до дыр.

Студент Виталий Малахов испытал то же самое, что пережил в свое время его отец Пашка Волчков. «Культурный шок», как он сам потом обозначил для себя это состояние. Он даже стал... ну, не то чтобы лучше, но как-то иначе относиться к отцу. Понял его, что ли... Возвращаться назад в деревню после того, как увидишь такое великолепие, посуществуешь в нем, потрогаешь все это руками, было просто невозможно.

Как раз в это время, на первом курсе, Виталию попалась на глаза статья о Джоне Рокфеллере. Он прочитал историю человека, сделавшего себе огромное состояние практически на пустом месте, и был поражен. Вот это личность! Разумеется, журнал, выпущенный в советское время, не мог писать об «акуле капитализма» иначе как о монстре, которым в буквальном смысле слова пугали непослушных детей, но автор статьи, бывший, очевидно, человеком очень неглупым, сумел, однако, передать между строк всю сложность и противоречивость этой фигуры. Студент-первокурсник был удивлен, как много у него оказалось общего с легендарным миллионером. И в судьбе – отец Рокфеллера тоже весьма неординарно вел себя с его матерью; и в складе характера – оба они, и американский бизнесмен, и мальчишка из калужского поселка, считали главными своими добродетелями бережливость, волю и трудолюбие. Ничтоже сумняшеся, Малахов взял лезвие «Нева» и аккуратно вырезал из библиотечного журнала нужные страницы.

С тех пор Виталий обзавелся кумиром. Сашка, увлекавшийся фотографией, скопировал и увеличил по его просьбе один из снимков, сопровождавших статью, и портрет Джона Дэвисона Рокфеллера-старшего занял место над его кроватью. Конечно, тогда, в начале восьмидесятых, о бизнесе и богатстве можно было только мечтать, но упорство и настойчивость в достижении цели были взяты на вооружение тотчас. Великая цель у Малахова была – ему необходимо было

поселиться в Москве. Но выбрать для этого путь, по которому идут обычно приезжие девушки и молодые люди, он считал ниже своего достоинства. Брак с кем попало, лишь бы у этого кого-то была московская прописка, его не устраивал. Как-то это казалось некрасиво, не по-мужски. Рокфеллер бы так не поступил. И Виталий решил добиваться своего общим с кумиром методом – настойчивостью и упорным трудом.

За все пять лет учебы студент Малахов не пропустил без уважительной причины ни одной лекции, ни единого практического занятия. Он старательно и аккуратно делал конспекты, которые потом переписывал весь курс, просиживал в читальном зале до самого закрытия и, как результат, имел в зачетке только «отлично». Общественной работой он занимался так же, как в школе, «по мере сил», исключительно для хорошей репутации, а не для того, чтобы заявить о себе. Принимал участие во всем, что называлось любимым словом того времени *мероприятие* — будь то политинформации, спортивные соревнования, походы, тематические вечера, самодеятельные концерты, – но при этом совсем не рвался в лидеры и ухитрялся не выделяться из общей массы. Просто *состоял и участвовал*.

В каникулы, когда веселый общежитский народ разлетался по домам, Виталий норовил остаться в Москве. Выбирался, конечно, иногда в Товарково, навещал мамку, привозил гостинцы, помогал по хозяйству – дров там наколоть или забор подправить, – но уже дня через три дома становилось

невыносимо тошно. Москва, точно огромный сверкающий магнит, манила и не отпускала. И он потихоньку возвращался в непривычно, до гулкой тишины пустую общагу, занимался, находил себе временную работу или просто ходил по улицам, приобщаясь к жизни большого города, стремясь узнать его получше и стать здесь своим. И получалось. Не быстро, потихоньку, но – получалось.

В зимние каникулы четвертого курса случилось страшное. Рано утром Виталия, как обычно до последнего оттягивавшего поездку домой, позвали к телефону. С трудом, сквозь помехи и всхлипывания, он разобрал в трубке далекий голос соседки тети Мани Лукьяновой: «Витенька, приезжай скорее! Горе у тебя. Мамка померла...» Сорвался, в чем был, только куртку накинул на спортивный костюм. Как во сне прошли мимо сознания долгое ожидание на заснеженном перроне Киевского вокзала, электричка с заиндевевшими стеклами, цыганки, ехавшие в том же вагоне, – он всегда терпеть не мог цыган! – холодный тряский автобус. Пока добрался до Товаркова, промерз уже до костей, тетя Маня все ахала, отпаивала чаем с малиной и вела невеселый рассказ.

Выяснилось, что позавчера ночью у Зины схватило правый бок. Скрутило так, что хоть волком вой. Надо было бы вызвать «Скорую», но женщина не стала этого делать – ждала сына. А ну как ее увезут! Витенька приедет, а она в больнице. Нехорошо. Поэтому выпила анальгин, приложила горячую грелку – вроде бы полегчало. Уснула, утром все бы-

ло будто бы ничего, а к вечеру началось опять. Тетя Маня, вставшая ночью на ведро сходить, увидела в окне у Малаховых свет и какую-то суету («Так и мелькает в окошке тень, так и мелькает!»), забеспокоилась и пошла узнать, в чем дело. Зинаида, вся скрюченная от боли, ни лежать, ни сидеть не могла, ходила взад-вперед по горнице, стонала и держалась за бок. Тетя Маня сразу же побежала в милицию, к телефону – врачей вызвать. Те приехали быстро, меньше часа прошло, заругались, уложили Зину на носилки, повезли, но доставить не успели. Гнойный аппендицит, заурядное, в общем-то, заболевание, не пожелал больше дожидаться. Зинаида Малахова скончалась от острого перитонита на сорок первом году жизни. А Виталий в двадцать лет остался круглым сиротой. Ни разу не виденный отец из далекой Прибалтики был не в счет.

Когда справили сороковины и горе немного улеглось в душе, Малахов понял, что в Товаркове его ничего более не держит. Живых привязанностей у него не осталось, а могилы... Ну, что же могилы. Могилы можно и из Москвы навещать. Без всякого сожаления он продал сначала коз и кур, а чуть погодя – и дом с садом. К его удивлению, оказалось, что все их хозяйство имело не самую малую стоимость.

Большинство его сверстников в подобной ситуации тут же потратили бы вырученные деньги на всевозможные удовольствия – кино, кафе, такси, одежду «от спекулянтов» и так далее. Виталий был не таков. Он купил только самое необ-

ходимое: магнитофон «Весна», несколько кассет, кроссовки и джинсы «Супер Райфл». Все остальные деньги легли на сберкнижку. Малахов поклялся, что будет тратить их только на что-то серьезное.

Студенческое время пролетело быстро. Приближалось окончание института, выпускникам предстояло распределение. Виталий надеялся, что попадет на самое престижное место – в крупный НИИ-«ящик», о котором мечтали все его сокурсники, но туда его не взяли. Вакансий оказалось немного, и достались они, как водится, блатным москвичам. Малахову же предложили должность инженера на крупном заводе, что было похуже, но, впрочем, тоже неплохо. Институт был успешно закончен, диплом – красный! – получен. И Виталий из одного общежития перебрался в другое – заводское, в современном доме и квартирному типу. Да еще в паспорте появился штамп о прописке – не временной, на годы учебы, а постоянной. Он стал москвичом! Пусть пока без собственной крыши над головой, но москвичом!

...Кружка опустела, на керамической тарелке остались только крошки, но Малахов не чувствовал себя ни сытым, ни довольным. К тому же показалось, что в кухне становится душно. Он распахнул створки, и в комнату тут же ворвался весенний шум со Старой Басманной – кухонные окна у них выходили на улицу. Малахов задумчиво облокотился на подоконник. Поток воспоминаний вырвался из-под его контроля.

...После распределения вчерашний студент очень быстро понял, что на заводе ему не нравится. Разрабатывать, усовершенствовать и внедрять в производство новые технологии было абсолютно неинтересно. Если раньше он относился ко всему этому в теории как к необходимой ступени в достижении цели, ради которой можно было перетерпеть все, то теперь цель была достигнута. Он *уже* поселился в городе своей мечты. И воплощать на практике то, что осточертело еще в институте, не было никакого желания.

Неизвестно, что стало бы с Малаховым, если бы не очень вовремя начавшаяся перестройка. Закадычный институтский дружок Сашка Семенов одним из первых смекнул, какие радужные перспективы открылись теперь перед предприимчивыми людьми, и как-то быстро успел обратить в свою веру и соскучившегося на заводской работе приятеля. Получился отличный дуэт: у Санька были идеи, смелость и ловкость, приобретенная благодаря некоторому опыту фарцовки, у Виталия – деньги на сберкнижке, врожденное чутье и фото Рокфеллера над кроватью. Первым их совместным бизнесом, Малахов помнил это, как сейчас, была реализация партии ажурных черных колготок. Семенов уговорил купить несколько мешков этих штучек, подпольно состряпанных то ли в Ереване, то ли в Кутаиси. Колготки были сделаны грубовато, кустарное производство чувствовалось за версту – но они были черными, в крупную ячейку, то есть именно такими, какие наши соотечественники видели в западных филь-

мах и низкопробных иностранных журналах и искренне считали эталоном сексуальности. Все вышло так просто, что молодые люди только руками развели. В то время по Москве у станций метро и в прочих людных местах стали возникать импровизированные рынки, где продавалось буквально все на свете. Ребята покрасивее упаковали несколько колготок в выпрошенные у Сашкиной мамы пакетики, отнесли на первый попавшийся такой базарчик у метро «Белорусская», рядом со знаменитым на весь город цветочным рынком, и показали толстому кавказцу. Тот кинул хищный оценивающий взгляд, вынул из пакетика колготки, внимательно рассмотрел на свету.

– Сколько их у вас?

Ребята сказали.

– Сколько просите?

Пока Виталий думал, что ответить, Санька с невозмутимым лицом назвал цифру, ровно в десять раз превосходящую сумму, которую они отдали за всю партию.

Кавказец поцокал языком:

– Вах, дарагой, што так много? Нэт.

Сашка пожал плечами:

– Не хочешь – не бери, другие возьмут.

И повернулся, делая вид, что хочет уйти. Кавказец поспешно его остановил:

– Ну хоть немного скинь, да?

В конце концов ударили по рукам. И когда все мешки с

колготками были переданы толстому кавказцу, ребята оказались в выигрыше один к пяти. Неплохо для первого раза!

С тех пор за что они только не брались... Торговали на вернисаже поделками из дерева, держали палатки, «челноками» возили трикотаж из Польши и косметику из Турции, пробовали перегонять на продажу иномарки и даже открыли на некоторое время маленький цех, где «варили» джинсы. Это дело шло особенно хорошо, жаль, «варенка» очень быстро вышла из моды. На заводе, где зарплата стремительно обесценивалась, Виталий стал бывать все реже. А при первой возможности и вовсе ушел оттуда. Заработанных денег ему вполне хватало на то, чтобы снимать хорошую квартиру. А прописка путем нехитрых финансовых манипуляций у него сохранилась даже тогда, когда он покинул заводское общежитие.

Конечно, не все затеи оказывались одинаково удачными, но, во всяком случае, ни одна их не разорила, наоборот, все приносили более или менее приличные доходы. К тому же за эти годы приятели немало помотались по городам и весям, посмотрели мир. «Так что мне повезло, что я в «ящик» не распределился, – много раз говорил себе Малахов. – Кто бы меня тогда за границу выпустил? Права, ох, права была бабушка – все к лучшему...»

Идея заняться мясом, как ни странно, пришла в голову Виталию. Обычно мозговым центром их союза был Сашка – ему быстро все надоедало, и он с удовольствием переключо-

чался с одного, в общем-то, вполне выгодного дела на другое, сулившее еще больший успех. Предложение друга он принял с энтузиазмом – в начале девяностых годов с продуктами в Москве было более чем плохо, парную говядину и телятину, доставленную с малаховской «малой родины», у них буквально отрывали с руками. Тогда им казалось, что и это тоже ненадолго, до следующей идеи. Но дело пошло, Виталий не стал от него отказываться – и, как выяснилось, не прогадал. И вот теперь, как говорится, «имеем, что имеем». Включая банковские счета, бизнес и офис с большим портретом Рокфеллера над столом в кабинете. Конечно, это не только его, Малахова, заслуга, ему очень повезло, что в фирме подобралась отличная команда, тот же Коля Тихомиров или Аркадий... А вот Санька проиграл по-крупному. Цветные металлы, на которые он вздумал перекинуться, оказались очень опасной затеей. В этом деле заправляли крутые ребята, которые шуток не понимали и самодеятельности не любили. Семенова угораздило повздорить с кем-то из них – и через пару дней его нашли в собственном подъезде с двумя смертельными ранениями...

Поток воспоминаний прервали трели мобильного телефона. Малахов взглянул на определитель: Борька Егорин. Чего это приятелю понадобилось в такую рань – времени без десяти десять? Хотя догадаться нетрудно...

– Алло?

– Витаська, друг, слушай, выручай! Тебе моя вчера-сего-

дня не звонила?

– Мне нет, а Ланке не знаю, я вчера поздно приехал. А ты что – опять?

– Ну да! Заехал вечером к Алиске в Усово, думал ненадолго, часа два потрахаемся – и домой. Но что-то раздухарился, сам понимаешь... И уснул – проснулся только сейчас. А Алиска, сучка этакая, только рада, нет чтоб разбудить...

– Так чего ты от меня-то хочешь? – неизвестно зачем спросил Малахов. Он уже отлично знал, о чем сейчас попросит его Борис. Такое уже неоднократно случалось.

– Позвони Ленке, старик, а? Придумай что-нибудь! А я уже выезжаю.

– Ну ладно, черт с тобой, позвоню. Скажу, что мы вчера вместе встречались с Джо, партнером моим американским, и до утра в казино зависли. Но не забудь, что с тебя причитается!

– Спасибо, друг, я твой должник навеки!

Малахов мысленно плюнул и набрал номер Елены Егориной.

– Алло, Леночка? Привет, как жизнь молодая? Ну, молодец. Умница. А детки как? Что ты говоришь? Где ж он умудрился простудиться – тепло же на улице? А! Ясно. Ясно. Слушай, Ленусь, а Борька доехал уже? Я что-то ему на мобильный звоню, а он недоступен... А я ему очень важную вещь забыл сказать... То есть как откуда? Из казино! Мы же с ним всю ночь сегодня трудовую повинность отбывали –

развлекали Джозефа, моего тexasского партнера. Что ты говоришь? Даже не позвонил тебе? Вот засранец! Ладно уж, ты его сильно не ругай, сама знаешь, как он устает... И все равно подорвался, поехал мне помогать американца забавлять. А то я с ним уже замучился... Так что не волнуйся, скоро будет твой супруг. Ну что ты, какие женщины, мы только втроем были... Ладно, пока, Ленуськин. Федьку лечи, а то что это за дела – весна на дворе, а он болеть вздумал...

Он нажал кнопку отключения и облегченно вздохнул. Не слишком-то нравились ему подобные разговоры. Но выручить товарища – это святое.

Наверху, на втором этаже, послышался какой-то шум. Неужели Лана поднялась в такую рань? Нет, конечно, просто почудилось. Супруга и в будни-то никогда не вставала раньше одиннадцати. «Я – классическая сова», – утверждала она. Часто возвращалась домой за полночь, могла лечь спать и в три утра, и в четыре... Практически всю домашнюю работу в их квартире давно уже делали приходящие помощницы по хозяйству.

Виталий поставил кружку и тарелку в посудомоечную машину, стряхнул со стола крошки, перешел из кухни в гостиную. Развалился на диване, привычно потянулся за пультом от телевизора. По «МУЗ-ТВ» звучала одна из немногих современных песен, которые ему нравились. Красивая девочка, прижимая к груди руки, пела: «Я к нему поднимусь в небо, я за ним упаду в пропасть, я за ним – извини, гор-

дость! – я за ним одним, я к нему одному...» Малахов с удовольствием смотрел на девочку, слушал эти, незатейливые в общем-то слова, звучавшие так пылко и искренне, и завидовал этому самому *ему*, которого так любят. Но клип быстро закончился, на экране появились танцующие негры, бубнящие рэп, и Малахов поспешил переключиться на другой канал.

До Светланы ему как-то не везло с женщинами. Первый (и крайне негативный!) опыт интимного общения он приобрел почти сразу, едва поселился в общежитии. В таких местах всегда можно найти легкодоступных девиц, для которых в русском языке существует немало обозначений. Во всяком случае, «давалки», как презрительно именовали у них в общежитии студенток такого сорта, было еще далеко не самым худшим словом.

Ту девчонку Виталий почти не помнил, так, что-то расплывчатое – малиновые губы, кроваво-красные ногти, зеленые веки и отросшие корни обесцвеченных перекисью водорода волос. Он даже имени-то ее не знал, называл, как и все, фамильной кличкой – Жучка. Эта самая Жучка, учившаяся на курс старше, почему-то положила на него глаз и после первой же совместной вечеринки затащила его в постель, где Малахов, одурманенный спиртным и взволнованный эпохальностью предстоящего события, потерпел полное фиаско. Мужская сила напрочь покинула его, и это вызвало у разочарованной Жучки целый поток язвительных насме-

шек. Преследуемый ее замечаниями, он кое-как оделся и с позором удалился с поля несостоявшейся любовной битвы.

Удар оказался еще сильнее, чем отказ Галки Антиповой. Виталька два года зализывал раны, заделавшись на это время ну просто настоящим женоненавистником. Вылечила его от этих комплексов сокурсница Фая Айдарова. Эта татарочка, невысокая, кривоногая, некрасивая, тоже была из породы «давалок», но ею управляли совсем другие мотивы, нежели Жучкой, – не развращенность и жажда острых ощущений, а доброта и неумение говорить «нет». С Файкой Малахов встречался до самого окончания вуза. У них не было романа в прямом понимании этого слова – они не бродили, держась за руки, под луной, не строили совместных планов, не делились сокровенными мечтами и детскими воспоминаниями, не бывали вместе в кино и кафе и даже не считались парочкой. Просто когда предоставлялась возможность (у Людды Поповой, Фаиной соседки по комнате, были родственники в Подольске, и она часто ночевала у них), Виталий проводил ночь у своей татарочки. Его это очень устраивало – не нужно было никаких слов, объяснений и обещаний. Он покупал что-нибудь к чаю да иногда приносил апельсины, которые она обожала и запросто могла съесть несколько килограммов за один присест.

Конечно, Малахов не был влюблен в Фаину. Ему продолжали нравиться совсем другие девушки, чем-то похожие на Галку Антипову – яркие, бойкие, знающие себе цену. Таких

в их вузе было немало, но подойти к какой-нибудь из них Виталий никак не решался. Кто он таков? Ваня из деревни, больше никто. И на фиг он такой сдался московским красавицам? Ни наследство, ни диплом не прибавили уверенности в себе. На заводе юные сотрудницы уже смотрели на молодого инженера более внимательно, чем барышни из института, но и тут все отнюдь не было гладко. С фабричными девчонками, имевшими за плечами ПТУ, а то и просто восемь классов, ему было невообразимо скучно. И Виталий принялся ухаживать за так называемыми «серыми мышками» из хороших семей. От таких девушек – тихих, интеллигентных, сентиментальных, утопавших в собственных комплексах, день и ночь мечтавших о любви и принце на белом коне – он не боялся получить отказ. С одной стороны, они не были, точнее, не умели ощущать себя привлекательными и явно не страдали от избытка мужского внимания. Появление галантного, внимательного и заботливого поклонника становилось настоящим праздником в их скучной жизни. С другой стороны, у «милых скромниц», как он их называл, были добрые сердца и романтические души. Даже если кавалер им поначалу не слишком нравился, оттолкнуть его не позволяло элементарное человеческое сострадание. Они просто не решались обидеть своим отказом того, кто, как они считали, был в них влюблен.

Конечно, с «серыми мышками» тоже было достаточно проблем. С ними нужно было вести задушевные романтиче-

ские разговоры и философские диспуты, нужно было знакомиться с их мамами, папами и бабушками, ходить по театрам и музеям. Но все это Виталия не слишком напрягало, даже наоборот, подобное общение ему нравилось и, если можно так выразиться, его обогащало. Девушки мягко и ненавязчиво учили его правильно вести себя за столом и в общественном месте, поправляли ошибки в его речи, подсовывали книги, которые необходимо прочитать каждому культурному человеку, и объясняли то, чего он в этих книгах не понимал. В «милых скромницах» Малахова смущало только одно – на таких девушках обязательно надо было жениться, а он пока этого не хотел. Не потому, что, подобно Паратову из модного фильма «Жестокий романс», норовил «дорого продать свою свободу». Скорее, тут подошла бы другая киноцитата: «Женитьба – шаг серьезный». Виталий понимал, что пока еще не готов к семейной жизни. И чувствуя, что отношения с той или иной скромницей уже дошли до такой стадии, когда остается лишь единственная возможная дорога – в загс, – он действовал по одному и тому же шаблону. Сначала резко сокращал общение, потом и вовсе пропадал на некоторое время, не приходил и не звонил (сами «мышки» не имели привычки обрывать телефон, они предпочитали сидеть дома и страдать), а потом вдруг назначал встречу под предлогом, что «надо поговорить». Это «поговорить» обычно превращалось в продолжительный монолог Малахова, сводившийся к тому, что его собеседница замечательный

человек и, возможно, лучшая девушка на свете, что Виталий не сомневается, что уже очень скоро пожалеет о своем поступке, но... (здесь полагалось выдержать эффектную паузу и пару раз тяжело вздохнуть), к сожалению, сердцу не прикажешь... Так вышло, он встретил и полюбил другую. А потому благодарит свою расчудесную подругу за все, что у них было, и умоляет простить его. Хоть и понимает, что на самом деле ему прощения нет... И так далее и тому подобное. После подобного разговора «серая мышка», как правило, соглашалась, что он поступил благородно, и удалялась рыдать, а Малахов отправлялся на поиски следующей, с которой все повторялось с начала и до конца. Эта наработанная схема отлично функционировала почти десять лет. До тех пор, пока в его жизни не появилась Светлана.

Со своей будущей супругой он познакомился на дне рождения очередной «милой скромницы», Сашеньки Киселевой, дочки его заводского коллеги. Роман с ней тянулся дольше других и больше других утомлял Виталия, но из уважения к Сашенькиному отцу Малахов никак не решался с ней порвать. Они изредка встречались, ходили в кино, в театры и на выставки и совсем уж изредка оказывались в постели, где Саша постоянно очень много говорила, почему-то все время шепотом, хотя в квартире они были одни, и после секса, лежа в его объятиях, читала, шепотом же, Ахматову или Цветаеву. Она была уверена, что у них все хорошо, просто Виталий очень занят бизнесом и не имеет возможности видаться

с ней чаще. Он же тяготился каждым свиданием, но жалел ее и никак не мог найти в себе сил для последнего серьезного разговора.

День рождения Сашеньки был в конце января. Малахов наконец дал себе слово, что эта встреча будет последней, и собирался уйти красиво. Помимо подарка (серег с сапфирами в обрамлении мелких бриллиантов), он принес ей еще и шикарный букет белых роз и два пакета деликатесов из недавно открывшегося в центре супермаркета. Именинница была на вершине блаженства – такой стол, как получился у нее, в начале девяностых был редкостью. На праздник собралось с полдюжины подруг, таких же «серых мышек», бывших одноклассниц и однокурсниц и нынешних коллег по работе – Саша была учительницей географии в средней школе. Из мужчин, кроме Малахова, был приглашен еще один – муж коллеги-математички, толстый, уже заметно лысеющий очкарик, удивительно похожий на балованного перекормленного ребенка, которого увеличил в несколько раз какой-то озорной волшебник. Безусловно, младенец-переросток чувствовал бы себя здесь королем, если бы не присутствие Малахова в его неброском, но очень стильном костюме от «Кельвин Кляйн». Очкарик то и дело бросал в сторону «соперника» неприязненные взгляды, и Виталия это очень забавляло. Бизнесмен разливал принесенное с собой вино, шутил с девчонками и прикидывал про себя, которую из них он увел бы с собой. Малахов не сомневался, что любая из

них, включая счастливую супругу, согласилась бы на подобное предложение с радостью.

Когда он уже порядком устал от разговоров о стремительной инфляции, трудностях с доставанием продуктов и каких-то педагогических разрядах (что это такое и почему столь важно для них, Виталий так и не понял), раздался звонок. Сашенька пошла открывать, из прихожей раздались радостные возгласы. Малахов вместе со всеми с любопытством повернулся к двери... и не поверил своим глазам. Девушка, появившаяся на пороге, была просто воплощением его грез. Высокая и стройная, дорого и со вкусом одетая платиновая блондинка показалась ему ослепительной красавицей. «Милые скромницы» сразу поблекли на ее фоне; вновь прибывшая гостья выделялась среди них, как полная золотая луна выделяется на ночном небе среди маленьких звездочек.

– Моя школьная подруга Лана! – представила Сашенька.

Красавица окинула взглядом комнату и уселась рядом с Виталием.

– Это мое место, – попыталась было протестовать именинница. – Давай я посажу тебя вот тут, рядом с Мишей.

– Ничего, спасибо, мне здесь удобно! – очаровательно улыбнулась Лана и повернулась к Малахову: – Ну что, наливайте мне штрафную и будем знакомиться!

До этого с ним ни разу в жизни не было ничего похожего. Виталий просто голову потерял. Он просто дурел от одного ее запаха. Ни одна из его знакомых женщин *так* не пахла...

Даже Галка Антипова.

Вечеринка уже близилась к концу. Он вышел из ванной и увидел в прихожей маленькое столпотворение. Девчонки, сбившись в кружок, что-то горячо обсуждали.

– Что у вас тут стряслось, девушки? – приблизился к ним Малахов.

Лана подняла на него выразительно подведенные серые глаза:

– Да вот, представляете, надела новые туфли и натерла ногу.

Она изящным движением сбросила лодочку и продемонстрировала обтянутую прозрачными колготками ступню. Чуть выше пальцев действительно виднелась небольшая ссадина.

– Лана, ну как тебе не стыдно! – Сашенька покраснела так, будто ее подруга только что проделала нечто ну совершенно непристойное.

Виталий же не мог отвести взгляда от стройных лодыжек.

– Да, – сказал он, с трудом ворочая языком – во рту мгновенно пересохло. – Бытовая травма. До дома добраться сумеете?

– А у меня есть альтернатива? – пожала плечами Лана. – Конечно, я бы не отказалась, чтобы меня отнесли туда на руках, но...

– Транспортировку на руках не обещаю, но отвезти на машине могу.

– О, у вас автомобиль? И какой же?

– Вы будете разочарованы – не «Роллс-Ройс».

– Какая досада. Но, надеюсь, хоть не иномарка под названием «Запор-бенц»?

– «Форд Мондео» вас устроит?

– Вполне, – очень серьезно ответила Лана и посмотрела таким взглядом, который сразу перечеркнул всю шутливость их разговора.

– Но ты вернешься? – с отчаянием в голосе спросила Сашенька. У нее было лицо славянки, провожающей своего ясного сокола на смертельную битву со злобным ворогом. – Я думала, ты pomoжешь мне убрать посуду... Ты вернешься?

– Не знаю, – искренне ответил Малахов. И как в воду глядел. Вернуться ему было не суждено – ни в тот же день, ни потом.

До последнего Виталий был уверен, что для Ланы он – не более чем забава, развлечение от скуки. Просто избалованной красавице, как это раньше называлось в книгах, *пришла фантазия* отбить у невзрачной подружки состоятельного кавалера. Он опасался очередного удара и потому осторожничал, сдерживал себя и не проявлял инициативы. Но Светлана, к его удивлению, взяла все в свои руки. Не прошло и двух недель, как она впервые осталась ночевать в его холостяцкой квартире (обычно он старался не допускать туда женщин, предпочитая встречаться на их территории). В марте они уже жили вместе, в апреле подали заявление в загс,

а в августе сыграли свадьбу в ресторане «Прага», где у нее было какое-то знакомство.

Первые несколько лет жизни с Ланой Малахов пребывал как во сне, все никак не мог поверить в свое счастье. Просыпаясь ночью, он вглядывался в лицо на соседней подушке и недоумевал – неужели эта женщина, которая так красива даже во сне, *моя супруга?*

Светлана, урожденная Журавлева, затем Мансилья, затем снова Журавлева и, наконец, Малахова, была коренной москвичкой. Ее предки, принадлежавшие то ли к дворянскому сословию, то ли к купцам первой гильдии, жили в столице чуть ли не с петровских времен. Родословной своей в семье очень гордились – как и тем, что дед Ланы по матери был в пятидесятых годах заместителем министра, а отец, скончавшийся менее чем за год до того судьбоносного дня рождения, несколько лет проработал за границей – в Монголии, в Польше и в ГДР. У них была большая двухэтажная (нечто совершенно необыкновенное по тем временам!) квартира на Старой Басманной улице, и Виталий, разумеется, перебрался жить туда. К тому времени он уже прочно стоял на ногах, фирма «Мит-сити» набирала обороты. Вскоре им удалось выкупить по разумной цене и соседнюю квартиру. В результате перепланировки и грандиозного ремонта Малаховы стали владельцами настоящих хором.

По специальности его супруга была лингвистом. Она окончила филологический факультет МГУ, который роман-

тики именуют «факультетом невест», а злые языки «факультетом старых дев». Ко времени их знакомства Лана работала переводчиком, но вскоре после свадьбы стала жаловаться на усталость и с удовольствием приняла предложение Малахова «немного отдохнуть». Однако несколько лет назад сидение дома ей тоже наскучило, и Виталий, после долгих обсуждений, приобрел для нее небольшую парикмахерскую, которую превратили в салон красоты. Новое занятие необычайно увлекло ее, особенно теперь, когда у Ланы появилась ну просто неоценимая помощница со странным именем Таня Тосс. Этого чудо-администратора Виталий никогда не видел, но день и ночь слышал о ней и понимал, заочно, разумеется, что дама, похоже, действительно неплохой менеджер. Она отлично вела бизнес, то и дело придумывала какие-то рекламные акции и даже ухитрилась заманить к ним в клиенты несколько известных и влиятельных людей. Эта Таня Тосс взяла на себя всю трудную работу, Светлане же оставалось только привечать клиентов, заводить и поддерживать нужные знакомства, бывать в престижных местах и вообще, как она говорила, «держаться на уровне».

Рассуждения Виталия прервали мелодичные трели мобильного телефона. Определитель высветил на экране четыре буквы: *ДОЧЬ*. Малахов торопливо нажал на кнопку ответа.

– Привет, Вит! – Долька называла его тем же американизированным именем, что и Коллуэй. На «отца» или «па-

пу» она так и не согласилась. Впрочем, и Светлану она уже очень давно не звала мамой. Но ту подобное положение вещей вполне устраивало.

«Это в пятьдесят лет приятно, когда у тебя дочь-тинейджер, – говорила супруга. – А в тридцать с хвостиком – ну ни капельки».

– Привет! – отозвался он.

– Ты как? – Дочь спрашивала только о нем. Светлана ее не интересовала.

– Я в порядке, а ты?

– А я плохо.

– О боже, что такое? – Малахов не на шутку встревожился. Чего другого, а уж подать повод для беспокойства эта юная особа умела, как никто.

В трубке раздался радостный девичий смех:

– Напугала? Вот здорово, я так старалась! Ладно, расслабься, я пошутила.

– Господи, ну и шуточки у тебя...

– Ты должен был спросить: «А почему плохо?»

– Спрашиваю.

– Потому что я очень давно тебя не видела. Уже неделю, наверное. И страшно соскучилась. Вот.

– Ну, так давай сегодня увидимся, – облегченно вздохнул Малахов. – Тебе во сколько в институт?

– Да, в общем-то, скоро пора выходить. По субботам у меня с утра английский, мог бы уже и запомнить. Но вечер се-

годня свободен, последней пары не будет...

– Тогда давай встретимся! Может, приедешь в кафе около моей работы? Знаешь, это на...

– Знаю, в эту тошниловку ты меня уже водил! Нет уж, спасибо. Лучше пересечемся в каком-нибудь цивилинном месте.

– Тогда сама придумывай где.

– А я уже придумала. Приезжай ко мне, ладно?

– Приеду... Хотя нет, котенок, извини, ничего не получится. Совсем из головы вон – мы с Ланой идем сегодня на ужин к Джозефу и Наташе. Хочешь с нами?

– А если хочу?

– Ну и чудесно. Тогда мы заедем за тобой прямо в институт, договорились?

– Круто, я тогда без машины буду. Ох и оторвусь вечером, по полной! Как там, у американцев в гостях, спиртное наливают?

– Эй, смотри у меня!

– Да ладно тебе, Вит! Я же прикалываюсь!

– Стар я уже для таких приколов...

– Ой, прямо тоже мне, старик нашелся!

– А что ты думаешь? Сорок лет – это тебе не просто так. Больше половины жизни уже позади.

– У тебя плохо с математикой, Вит! – рассмеялась она. – Лично я считаю, что ты должен дожить лет до девяноста, как минимум. У меня относительно тебя большие планы... Ладно, мне уже бежать пора. Пока, до встречи!

Глава 4

Испанская дочь

Первое время Малахов даже не догадывался о том, что у его избранницы есть ребенок. Они встречались чуть ли не каждый день, Лана бывала с ним допоздна, оставалась ночевать в его квартире, охотно проводила в его обществе уик-энды – и при этом ни словом не обмолвилась, что дома ее дожидается маленький человечек. Только спустя уже два месяца после их знакомства, во время чудесного совместного завтрака, последовавшего за еще более чудесной совместной ночью, в ответ на осторожно оброненное Виталием: «Как здорово было бы вот так встречать с тобой каждое утро!» проговорила:

– Я тоже хотела бы этого. Но есть одно «но».

– Какое? – насторожился он.

– У меня существует дочь.

Она именно так и сказала тогда: «существует дочь». Не «у меня есть дочка», не «растет ребенок», не «воспитываю дочь», в конце концов. *А существует.*

– Правда? – удивился Малахов. Эта неожиданная новость вызвала в нем противоречивые чувства. Виталий не был детоненавистником и не боялся малышни. Готовая дочь, которую не надо учить ходить и менять ей подгузники – это да-

же неплохо. Вот только удастся ли им поладить... Вдруг она сильно привязана к своему настоящему отцу и не захочет принять его, Малахова?

– Ты никогда о ней не говорила. И сколько же лет твоей малышке?

– Шесть. Пойдет в школу.

– В «нулевку»? – щегольнул он знаниями последних веяний в сфере российского среднего образования.

– Нет, в обычный первый класс. В этой школе система «один к четырем», – отвечала она со скукой в голосе, и Малахов подумал, что на самом деле ничегошеньки не знает ни о педагогике, ни о детях вообще. Слова «один к четырем» ему ровно ни о чем не говорили, но уточнять он не стал, почувствовав, что его собеседнице эта тема не слишком интересна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.